
Слёзы
чёрной вдовы
АНАСТАСИЯ ЛОГИНОВА

Кошкин. Сыщик Российской империи

Анастасия Логинова

Слёзы чёрной вдовы

«Автор»
2018

Логинова А.

Слёзы чёрной вдовы / А. Логинова — «Автор», 2018 — (Кошкин. Сыщик Российской империи)

ISBN 978-5-17-120229-3

Российская империя, 1891 год. Вдали от блистательного Петербурга, в живописном и тихом дачном поселке в Карелии происходит немыслимое – застрелен хозяин усадьбы, уважаемый всеми соседями титулованный аристократ. Соседи – столь же почтенные люди – в ужасе, ведь преступление как будто совершил кто-то из них. Озабочены и высокопоставленные чины в самой столице, а непосредственное расследование поручено Степану Егоровичу Кошкину, молодому, амбициозному полицейскому чиновнику, для которого происходящее – прекрасный шанс зарекомендовать себя на недавно полученной должности. Кошкину везет: улик немало, и есть все основания полагать, что виновна супруга погибшего – молодая графиня, признанная в высшем свете красавица, за которой давно уже тянется шлейф странных смертей. И Кошкин полон решимости провести тщательное расследование. Нужно лишь постараться не попасть под чары слез прекрасной вдовы.

ISBN 978-5-17-120229-3

© Логинова А., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Анастасия ЛогиноваКошкин. Сыщик Российской империи - 1 5
СЛЁЗЫ ЧЁРНОЙ ВДОВЫ 6
Пролог 7
Глава 1 8
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 23
Глава 5 28
Глава 6 34
Глава 7 38
Глава 8 43
Глава 9 48
Глава 10 53
Глава 11 58
Глава 12 64
Глава 13 68
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Слёзы чёрной вдовы

Анастасия ЛогиноваКошкин. Сыщик Российской империи - 1

СЛЁЗЫ ЧЁРНОЙ ВДОВЫ

Пролог

1891 год, Российская Империя, Выборгская губерния

– Ну, гляди, что ты натворила! Сколько крови! Весь паркет в крови, вся комната! Что теперь станешь делать?!

Отец стоял над нею, как всегда заложив руки в карманы, и наблюдал сверху вниз, будто Светлана1[1]опять была маленькой неразумной девочкой.

– Я… я не знаю, – простодушно поделилась она. Потом еще раз посмотрела на свои руки, перепачканные свежей кровью, и в отчаянии подняла глаза на отца: – Это не я. Это, наверное, не я… Я не могла!

А отец усмехнулся – жестоко, свысока, словно пригвоздив ее этим смешком к полу:

– Себе-то не лги, милая, – он опустился возле Светланы на корточки, поднял с пола револьвер и вложил в ее руку. – Ты могла. Ты вполне могла.

Потом отец ушел, а Светлана осталась в этой страшной комнате одна – перепачканная в крови и сидящая на полу возле тела своего мертвого мужа.

[1] Данное имя отсутствует в Святцах, поэтому в описываемое время, по сути, оно и именем не являлось. Крестить под ним девочек не могли. Однако благодаря поэме В.А.Жуковского "Светлана", имя все-таки приобрело некоторую популярность: в редких случаях оно становилось домашним, наподобие Натали, Долли, Мари и т.д. (прим.)

Глава 1

Надя Шелихова, младшая сестра графини Раскатовой, напряженно вглядывалась за стекло, за поворот поселковой дороги, и в нетерпении своем прикусывала губу чуть не до крови. Оттуда, из-за поворота, вот-вот, каждую секунду, могла вынырнуть полицейская карета, и Надя отчего-то боялась этот момент пропустить.

Сестра ее тоже находилась в столовой, Надя краем глаза видела, как Светлана, натянутая будто струна, сидела и смотрела в противоположную стену. В руках она сжимала дымящуюся чашку с кофе и, время от времени вспоминая о ней, вдруг отпивала с совершенно неуместным удовольствием. В целом, Светлана выглядела удивительно спокойной.

– Едут, – воскликнула, наконец, Надя и разволновалась еще больше. Ее бросало то в жар, то в холод, как при лихорадке. Она порывисто обернулась к сестре: – Светлана, едут! Это полиция, должно быть!

– Быть того не может, чтобы полиция так скоро явилась, – невозмутимо отозвалась сестра и снова отпила кофе. – Это Гриневские, я посылала к ним, едва рассвело.

Впрочем, Надя уже и сама удостоверилась, что сестра права. Как всегда. Темное пятно на дороге приобрело очертания запряженной гнедой лошадью двуколки, в котором обычно объезжала свои владения Гриневская, подруга Надиной сестры и хозяйка всего поселка Горки, где вот уже которое лето подряд снимала дачу графиня. Однако сегодня подле Гриневской сидел и ее супруг.

– И как только ты можешь быть такой спокойной, Светлана! – упрекнула Надя, досадливо отходя от окна. – Твой муж лежит мертвый в библиотеке, а ты пьешь кофе, будто ничего не случилось!

– А что прикажешь мне делать – закатить истерику, как ты? Сядь и не помолчи бога ради!

Надя без слов присела на краешек стула, опустила взгляд и принялась теребить кружево на юбке. Вот так всегда: сестра не стеснялась в выражениях в ее адрес. И правда, кто она, Надя, в этом доме? Приживалка, тяжкий крест, который великодушная графиня Раскатова взвалила на себя, обязавшись устроить Надину жизнь. И права голоса она здесь не имела – Надя давно к этому привыкла.

– Прости, Надюша, сорвалась… – извинилась все-таки Светлана. – Шла бы ты лучше к себе, право слово.

Надя украдкой подняла на нее глаза и подумала, что, несмотря на внешнее спокойствие, сестра все же крайне вымотана случившимся.

Еще бы, ведь всего несколько часов назад Светлана сама нашла в библиотеке тело мужа. Сестра, стоящая подле него на коленях, была так бледна, что Надя в первый момент подумала, что мертвы они оба. Но потом Светлана прошептала:

– Господи-боже… что я наделала…

И посмотрела на свои перепачканные кровью руки.

А теперь эта же самая Светлана спокойно пила кофе и упрекала Надю за истерику.

– Позволь мне все же остаться, не прогоняй, – несмело попросила Надя, потому как сидеть в одиночестве, в доме с мертвецом, ей до ужаса не хотелось. Но признаваться в своих страхах хотелось еще меньше. Потому Надя нашлась: – Я люблю тебя и желаю помочь – ведь ты моя сестра!

– Ну как ты можешь помочь, дурочка? – Светлана произнесла это почти ласково, так, что Надя даже не обиделась в этот раз на «дурочку».

Подумав немного и набравшись храбрости, Надя поерзала на месте, чуть развернулась к сестре и, заглядывая ей в глаза, спросила:

– Светлана, а что все-таки произошло ночью… в библиотеке?

И тотчас, не успев даже договорить, она пожалела о своем вопросе, поскольку взгляд Светланы, только что снисходительно-ласковый, теперь как острая спица пронзил все существо Нади. Она опять сжалась, готовая слушать в свой адрес порцию новых оскорблений.

Однако сестра с обманчивым спокойствием отозвалась лишь:

– Ты разве чего-то не разглядела, сестрица? Может, за доктором пора звать да зрение тебе проверить?

После этого в столовой долго висела тишина, которую нарушил только бой напольных часов из библиотеки – пробило девять. Надя пыталась осмыслить сказанное сестрой и не смела поверить. А Светлана, едва часы отбили, с громким звоном поставила чашку на блюдце, поднялась и отвернулась, уронив лицо в ладони.

Надя решила, что она плачет.

– Так значит, это действительно ты… убила Павла Владимировича, – произнесла она чуть слышно и судорожно сглотнула.

Сестра, отняв лицо от рук, бросила ей очередной колючий взгляд:

– Да, Надюша, вот полиция приедет – так им и скажешь! Меня тогда сразу на каторгу, а тебя, моя дорогая – на улицу, под забор вышвырнут. Достойное окончание рода Шелиховых, и говорить нечего!

– Так что же нам делать?.. – растерялась Надя, всерьез обдумывая эту перспективу.

– Что делать, что делать… Уж точно не кудахтать, как курица, и не мямлить. И не признаваться. Ничего, в полиции такие же люди, как и все прочие. И не просто люди, а мужчины. Договоримся.

С теми словами Светлана, уже справившись с минутной слабостью, подошла к настенному зеркалу, чтобы уничтожить и последствия оной. Убрала существующие или мнимые слезинки из уголков глаз. Накрутила на палец пряди у висков, дабы они подпрыгнули задорными пружинками. Пощипала кожу возле высоких точеных скул, возвращая бледному лицу румянец. Горделивее вскинула голову и легко, невесомо улыбнулась, будто там, в зеркале, уже отражался тот самый полицейский, с которым требовалось договориться…

Женщины красивее своей сестры Надя никогда не встречала. Высокая, стройная, со столь царственной посадкой головы, что неуклюжая и нескладная Надя иногда сомневалась – впрямь ли они родные сестры? Нет, схожесть меж ними, конечно, была: обе имели водянисто-зеленые глаза, «русалочьи», как называл их папенька, и копну пышных, чуть вьющихся волос – темнее у Светланы и светлее у Нади. Вот только, если каждая черта лица Светланы была вылеплена с любовью и старанием искусной рукой скульптора, то над лицом Нади этому скульптору трудиться было явно лень, и он, оставив по-детски пухлые щеки, слишком вздернутый нос и вялый подбородок, решил, должно быть, что довольно и этого.

Повернув кофейник так, чтобы ее лицо не отражалось в серебре, Надя вздохнула. Не то, чтобы она была дурнушкой – совсем нет, не будь рядом Светланы, ее, возможно, даже сочли бы хорошенькой. Из-за глаз хотя бы. Но, будучи в тени Светланы, выделиться ей не было никакой возможности… Это при том, что сестре уже двадцать восемь, а семнадцатилетней Наденьке эта цифра казалась очень и очень почтенным возрастом. К примеру, Гриневскую, ровесницу Светланы, Надя вполне серьезно считала женщиной в годах.

– Напрасно ты позвала Гриневских, – тотчас, едва о них вспомнила, сказала Надя, – не нравятся они мне. Оба.

– А разве тебе вообще кто-нибудь нравится, Надюша? – заметила сестра, продолжая поправлять волосы. – Алина моя лучшая подруга, единственная даже, если быть точнее. А Сергей Андреевич… он умный человек и обязательно подскажет, что делать.

Надя даже фыркнула. Будто она совсем маленькая и не понимает, что эта «лучшая подруга» для Светланы лишь неприятное дополнение к «умному человеку» Сергею Андреевичу.

Словно в ответ на ее мысли за дверью послышались громкие голоса и шаги, а после, оттесняя экономку, в столовую ворвались Гриневские, чрезвычайно взволнованные.

– Светлана, друг мой, ты так напугала нас своей запиской! – Гриневский, не здороваясь и не обращая внимания на Надю, через всю столовую бросился к ее сестре, сходу припадая к ее ручке. – Что стряслось, ma chere2[2]?

Законная же его супруга волнения проявила куда меньше. Кивнула Наде в ответ на ее книксен, после чего молча стала у камина, не торопя никого с расспросами.

Алевтина Денисовна Гриневская, которая предпочитала, чтобы ее называли Алиной, была худой, как жердь, с некрасивым веснушчатым лицом – она и впрямь выглядела отчего-то куда старше своих лет. Надя не любила эту женщину и почему-то побаивалась. Она казалась ей ведьмой, сбежавшей с шабаша: слишком странная, слишком догадливая и слишком себе на уме. Сходство с ведьмой дополняли огненно-рыжие волосы, которые Алина никогда не могла толком прибрать – именно такими изображались ведьмы на иллюстрациях в сказках, которые давным-давно читал Наде папа.

Муж Гриневской – Сергей Андреевич – напротив, мужчиной был весьма привлекательным. Высокий, статный, с густыми темными волосами. Стариком, под стать жене, он Наде не казался, хотя она и видела, что он всегда надевает очки, когда берет книгу. Но все же она не понимала, что Светлана находит в этом мужчине. Должно быть, она просто смеется над ним, ведь Наде прекрасно было известно, какие достойные молодые люди увивались за ее красавицей-сестрой в Петербурге.

Наде Гриневский казался человеком неинтересным и глупым, несмотря на убежденность Светланы в обратном. Она разглядывала гостей, пока те наперебой выспрашивали у Светланы подробности случившегося – на Надю они внимания не обращали: младшая сестра Светланы никогда никого не интересовала.

– Ты уже позвала за полицией?! – с оттенком ужаса в голосе переспросил Гриневский и нервно заходил по комнате: – Напрасно, совершенно напрасно…

– Не я, так кто-нибудь другой бы позвал, – поморщилась сестра, – такого не утаишь.

– Можно было что-то придумать!

– Что придумать? В погребе его закопать?!

– Все лучше, чем звать сюда полицию!

– Что уж теперь говорить – дело сделано… – разумно заметила Алина. – Надобно думать, как быть дальше. Светлана, ma chere, где все случилось?

– В библиотеке…

– Я взгляну, – не дожидаясь позволения, Гриневский, нервничающий отчего-то больше всех, бросился вон из столовой.

В доме он бывал достаточно часто, чтобы знать расположение комнат, так что в провожатом не нуждался. Дамы не слишком охотно, но все же двинулись за ним. А Надя осталась.

Она заходила уже в библиотеку, видела все, и у нее не было никакого желания вновь переживать эти ужасы. И без того перед глазами стояла та картина: муж Светланы, граф Павел Владимирович, лежащий на полу с простреленной грудью в луже собственной крови. А над ним Светлана – бледная, растрепанная, с сумасшедшими глазами. Что меж ними произошло? Поссорились? Должно быть, так и есть…

Но стоять в неожиданно стихшей столовой тоже оказалось неуютно. Поежившись, Надя решилась и тихонько вышла, чтобы, преодолев гостиную и музыкальный салон, притаиться у рояля, откуда и голоса в библиотеке слышны, и тела несчастного графа не было видно.

– Кто-нибудь еще сюда входил? – сразу услышала Надя вопрос Гриневского.

– Никто, я сразу заперла дверь и ключ никому не отдавала, – уверенно отозвалась сестра.

---

[2] Моя дорогая (фр.)

– А кто еще есть в доме, кроме вас с Надей?

– Никого, – излишне поспешно отозвалась Светлана, – только прислуга, разумеется.

– Прислуга… – повторил Гриневский задумчиво, – Светлана, а в доме ничего не пропало, ты проверяла?

– Ничего я не проверяла! Не до того мне было! – По раздраженному ее тону Надя поняла, что сестра уж сама жалеет, что позвала этого «умного человека».

– Серж, в самом деле, что ты говоришь? – упрекнула мужа и Гриневская, – по-твоему, слуги ограбили дом, убили хозяина и остались на местах?! Ведь все на местах?

– Да, кажется… – Светлане явно не нравился этот разговор. – Это абсурд, мои слуги здесь ни при чем.

Наде же это абсурдом не казалось, и она начала припоминать, как косо посмотрел на нее Петр давеча, когда она возмутилась, что он неровно правит коляской, пока вез ее в аптеку. Он явно затаил на нее зло тогда… А Василиса, экономка, с такой любовью натирает всегда столовое серебро, будто это ее собственность. К тому же Алена, Надина горничная, рассказывала, как два года назад неподалеку вот точно так же один крестьянин убил управляющего имением…

– В столовой-то убирать прикажете, барышня? – Надя вздрогнула, потому что это спросила Василиса, тихонько подкравшаяся.

– Ах, не до тебя, право… – поморщилась она, – убирай, если угодно, мне все равно.

Василиса имела наглость покачать головой, будто еще и осуждала ее, но ушла наконец. А Надя принялась размышлять дальше.

Другой прислуги, кроме семейной пары Петра и Василисы и племянницы их Алены, на даче не было. Да и эти трое местные, круглый год живут здесь, присматривают за домом и, должно быть, считают себя хозяевами.

Тем временем Гриневские со Светланой покинули наконец библиотеку: Светлана снова сделалась растерянной и бледной, несмотря на все ее прихорашивания, Алина мрачнела и становилась еще некрасивее, а Гриневский глупо хлопал глазами, качал головой и все вздыхал беспрестанно. Однако они не успели даже сесть, как навстречу выбежала с перепуганными глазами Василиса:

– Барыня! – заголосила она, хватаясь за голову. – Барыня, там полиция! На черной большущей повозке! У ворот ужо почти… что делать-то?

– Скоро они явились… – Светлана сжала губы, будто задумала что-то. – Не бойся, Василиса, я ведь сама их звала. Иди, встреть по-хорошему, да веди в гостиную. Скажи Алене, чтоб чай подала.

Экономка, будто заразившись спокойствием Светланы, и впрямь притихла. Согласно закивала и поспешила прочь. Взгляд же Светланы, скользнув по стенам музыкального салона, остановился на Наде, и она словно не сразу поняла, что младшая сестра вообще здесь делает. Потом нахмурилась и велела:

– Надя, ступай к себе и, пока не позову, не смей спускаться.

– Светлана, позволь… – попыталась, было, воспротивиться она.

– Не спорь со мною! – повысила голос сестра. – Хоть раз просто сделай то, что я велю!

– Пойдем, Надюша, я провожу, – Алина навязчиво взяла Надю под руку и почти силой повела к дверям. И, уже выходя, полуобернулась к Светлане, горячо заверила: – Не бойся, Светланушка, ничего не бойся – мы с тобой!

* * *

Едва закрылась дверь за Алиной и Надей, Светлана почувствовала, как рука Сержа властно легла на ее талию, а губы оставили влажный след на шее.

– Алина права, mon cœur3[3], тебе не о чем волноваться, – горячо прошептал он на ухо. – Если понадобится, то я сам…

– Что – ты сам?! – Светлана раздраженно стряхнула его руку и отошла.

Но Серж, слава богу, больше не делал попыток к ней прикоснуться. Вместо этого он сел на банкетку возле рояля и в который уже раз вздохнул.

– Думаешь, я слишком строга была сегодня с Надюшей? – спросила вдруг Светлана.

Серж безразлично пожал плечами:

– Надя невыносима, любой бы сорвался на твоем месте. Думаю, она сама это понимает и знает, что ты все равно ее любишь.

– У менянет никого, кроме нее – конечно, люблю! – горячо согласилась Светлана. – Все, что я делаю, все – для нее. – Она снова решительно сжала губы: – Я сама поговорю с полицией, останься пока здесь, не выходи.

Серж не стал спорить – наверное, понимал, что бесполезно. Он лишь покачал головой еще раз и досадливо молвил:

– Что за нелегкая принесла сюда твоего мужа?! Будто нарочно… Почему он не в своем имении?! Кто его звал? Его ведь еще вчера не было!

– Павел явился вчера, ближе к вечеру. Но я и сама хотела бы знать, зачем он вдруг приехал… – ответила Светлана мрачно. – Я его с прошлой зимы не видела, и писем его не получала. И сама ему не писала, разумеется. Ума не приложу, откуда он узнал, что я в Горках…

Но, не дождавшись, как объяснил бы это Серж – по-правде сказать, она и не интересовалась его мнением – Светлана, не прощаясь, покинула комнату.

Задержавшись в столовой, все у того же зеркала, она снова подвила волосы и придала румянец щекам и губам. Тепло коснулась пальцами места на груди, где обычно покоился ее медальон… но отчего-то Светлана не смогла найти его этим утром среди своих украшений и закрепила к платью брошь с зеленым агатом под цвет глаз. Взбила рюши на баске возле все еще очень тонкой, на зависть многим барышням, талии. Подумала и чуть – едва-едва – ослабила кружевной воротничок-стойку своего и так не слишком строгого дневного платья: расстегнула, будто был случайно, самый верхний из мелких крючков на стойке с задней стороны шеи. С виду все оставалось совершенно прилично… Однако резкий поворот головы, любое порывистое движение – позволяло мягкому брюссельскому кружеву примяться, а кому-то стоящему достаточно близко на миг разглядеть срытый до того от посторонних глаз участок шеи и даже угадать под кружевом очертания ключиц.

Однако вместо того, чтобы удовлетвориться получившимся образом, без сомнений очень соблазнительным, Светлана поморщилась с оттенком брезгливости. Но все равно горделиво вскинула голову, натянула улыбку и отправилась встречать полицию.

[3] Мое сердце (фр.)

Глава 2

Полицейский приехал всего один, что удивительно – но за версту было видно, что он не чета местным исправникам. Неужто из столицы пожаловал? Одет в штатское и даже весьма щегольски. Рукав leg-of-mutton4[4]на сюртуке муарово-синего цвета, а узкие брюки-гольф, желтые в клетку, в контраст к сюртуку, со столь четко заутюженной стрелкой, будто он натянул эти брюки только что, а не ехал из самого Санкт-Петербурга. Темноволосый, с напомаженной шевелюрой, и аккуратными подвитыми усиками. Весьма довольный собой и своим внешним видом – насколько Светлана могла судить, внимательно разглядывая сыщика из окна гостиной. Сперва ее удивило, что сыщик так молод – и тридцати нет. Но потом она подумала, что ей это на руку. И, воодушевившись, принялась ждать, когда Василиса проведет его в дом.

Однако кое-что Светлану насторожило. Полицейский кучер – единственный, кто сопровождал следователя – не успев спешиться с козел, тотчас подозвал к себе Петра да завел с ним беседу. Говорили вроде бы о повозке: что-то показывал Петру, наклоняясь да тыча под днище. Тем не менее Светлана хмурилась.

Ведь этот второй, кучер, тоже как-никак полицейский, хоть и рангом, безусловно, ниже. Но он был как раз и старше, и серьезнее, и уж точно ничуть не походил на столичного легкомысленного хлыща. Судя по длинной косматой соломенного цвета бороде, ему никак не меньше пятидесяти. А судя по ношенному форменному с погонами полукафтану темно-зеленого сукна, этот кафтан принадлежал некогда кому-то куда ниже ростом и **у**же в плечах.

Впрочем, Светлана несколько успокоилась, глядя, с каким рвением и истинно-мужицкими замашками он запросто полез в дорожную пыль, прямо под днище своей повозки, что-то попутно рассказывая и показывая Петру. Едва ли большой интеллектуал да гений сыска стал бы так пачкаться… Не по рангу.

Нет, не стоило этого кучера всерьез опасаться и вообще брать в расчет. Лишь бы Петр сам не сболтнул ему лишнего, да не вздумал отвести в каретный сарай…

* * *

Долго сыщика ждать не пришлось: за дверью послышался голос Василисы, и Светлана поспешила отойти от окна. Напустила на себя облик убитой горем вдовы – однако такой вдовы, которую всякому хотелось бы утешить. И, укутав хрупкие свои плечи ажурной накидкой, села в кресло.

Вблизи молодой темноволосый сыщик оказался даже привлекательным и, главное, галантным:

– Михаил Алексеевич Девятов, – с достоинством отрекомендовался он, припадая к ручке Светланы. – Чиновником по особым поручениям при Канцелярии обер-полицмейстера Санкт-Петербурга. Первым делом позвольте мне, Светлана Дмитриевна, выразить вам соболезнования… от меня и от лица Платона Алексеевича, моего шефа.

Услышав это имя, Светлана почувствовала, как сердце ее пропустило удар. Против воли у нее вырвалось:

– Платон Алексеевич знает? Уже?

Но потом все стало на свои места. Ее супруг, сиятельный граф Раскатов, был человеком легким, добрым, отзывчивым. Его любили многие, причем совершенно искренне. А уж сколько знакомств он нажил к без малого тридцати пяти своим годам – не счесть. Платон Алексеевич, граф Шувалов, тоже входил в их число. В самый ближний круг. Много лет назад, когда Светлана с Павлом еще выезжали вместе, они нередко бывали приглашены к Шувалову. А тот навещал их. Граф Шувалов был куда старше, и Павла знал едва ли не с детства.

---

[4] Рукав, пышный у плеча и узкий от локтя до запястья (фр.)

Служил же Платон Алексеевич в таком ведомстве, которое и упоминать-то всуе не стоило… Вероятно, полиция оттого так скоро и приехала, что весть об убийстве Павла дошла до Шувалова, а он уж распорядился…

– Да, мой шеф славится тем, что знает в Петербурге и окрестностях о каждом выстреле, – некстати улыбнувшись, подтвердил ее догадки Девятов.

Светлана едва совладала с собою, потому что не сомневалась в этот момент: Шувалов действительно знает о каждом выстреле. Уж его ей точно не удастся обмануть… но все же она совладала с собой и, поймав взгляд сыщика и понижая голос, сказала доверительно:

– В таком случае, я уверена, вы непременно найдете того, кто это сделал.

Девятов ответил ей взглядом чуть более долгим, чем требовала светская вежливость, и отчаяние, уже успевшее охватить Светлану, немного отступило.

– Я думаю, вам лучше побывать на месте, где все случилось. Позвольте, я сама провожу вас, Михаил Алексеевич.

С этими словами Светлана вновь протянула руку, чтобы он помог ей подняться, а после, пройдя мимо него так близко, что коснулась кружевом на рукаве его сюртука, она направилась в библиотеку. Светлана словно бы не замечала, что ажурная накидка соскользнула с ее плеч, оголив тонкую полоску кожи возле воротника-стойки. Девятов молча шагал позади, но Светлана готова была поклясться, что этот участок ее шеи он изучил вдоль и поперек.

И она убедилась в этом, когда вела сыщика через музыкальный салон: Сержа там уже не оказалось, слава богу, зато была дверь со стеклянными вставками, начищенными Василисой до зеркального блеска, где и отразился взгляд Девятова, которым он жадно и масляно изучал ее шею.

«Мужчины все же примитивны до отвращения…» – подумала она и с трудом поборола порыв закутаться в накидку плотнее.

Павел лежал в библиотеке. Точно так же, как ночью – раскинув руки и с навеки застывшим на лице немым осуждением. Именно таким Светлана, наверное, его и запомнит на остаток жизни. Жаль, что таким. Жаль, что она уже и не может вспомнить его лицо во времена их помолвки, когда он был влюблен, а она смотрела на него, как на божество. Или, когда родился Ванечка, и ей казалось, что в целом мире нет никого, кроме них троих – им никто и не нужен был.

Теперь Павел лежал убитым в ее доме, а Светлана совсем ничего не чувствовала к нему. Он и правда успел стать ей чужим человеком. То восторженное чувство влюбленности как-то резко, почти что в один день, сменило безразличие – холодное и бескрайнее, как ледяная пустыня. Вот чего никогда не было между ними, так это ненависти: там, где царствует безразличие, ни для каких других чувств места нет.

Было ли ей жаль Павла? Наверное, да. Он был еще слишком молод, чтобы умирать. Тридцать пять лет. Хотя, попытайся Светлана хоть сколько-нибудь проявить это сострадание – вышло бы фальшиво до омерзения. Ведь в мыслях своих она похоронила мужа уже давно. Оплакала, похоронила и оставила в прошлом.

Единственное, что Светлану по-настоящему волновало сейчас: что будет с Надей, когда все откроется? И дело даже не в том, что сестра останется без крова над головой, без средств и без покровителей. Дело в несмываемом позоре, который навсегда теперь пристанет к фамилии Шелиховых.

Пока же Светлана, растеряв всю решительность, стояла в дверях, сыщик Девятов делал свою работу. Опустился на корточки и сноровисто осматривал и даже ощупывал кровавую рану на груди Павла. Потом, тяжело повернув тело на бок, поднял сорочку и, беззвучно шевеля губами, однозначно делал какие-то выводы.

– У вас медицинское образование? – догадалась Светлана.

Пожалуй, только доктора да полицейские чины лишены брезгливости настолько, чтобы считать человека, что живого, что мертвого, материалом для изучения и не более. А этот Девятов и вовсе – два в одном.

Нехорошо.

– Что? – хмурясь, переспросил сыщик.

Настолько он увлекся служебными обязанностями, что забыл о ней напрочь. Забыл о целовании ручек и о ее обнаженной шее. Тем более нехорошо.

– Ах нет! Увы, университетского образования я не имею, но медицинской курс слушать приходилось, любезная Светлана Дмитриевна. Без основ военно-полевой медицины в нашем деле никуда. Быть может, вам лучше подождать снаружи?

Сыщик все-таки опомнился и поспешил вернуть свой галантный тон. Которому теперь Светлана не очень-то верила. Не одна она, кажется, умеет притворяться.

Уйти она не торопилась – боялась упустить момент, когда Девятов поймет, кто именно виновен во всем. Думала, сумеет отвести подозрение, если вдруг…

Сыщик же теперь закончил с телом Павла и, почти распластавшись на полу, с увеличительным стеклом изучал пятна крови, уже высохшие и въевшиеся в паркет. Поколебавшись, Светлана подкрутила масляную лампу, потому как в библиотеке стоял неприятный полумрак, отнюдь не помогающий следователю. И с опаской принялась ждать, что он найдет.

Казалось, кровь в библиотеке была разлита лишь под телом Павла, но сыщик ползком и с лупою в руках изучал паркет и в шаге от него, и в двух, все ближе и ближе подбираясь к Светлане… а главное, по его глазам и диковатой улыбке было понятно – он определенно что-то видит. Когда же Девятов приблизился настолько, что был в прямом смысле у ног Светланы, она не выдержала и поспешно отошла за порог. И сама отметила, что под носком ее туфли оказалось небольшое, но четкое бурое пятно. Было ли оно там прежде, до этой страшной ночи? Бог его знает…

Но сыщика наличие пятна необыкновенно обрадовало.

– Интересно-интересно… – пробормотал он.

И, не отводя лупы, полез во внутренний карман сюртука, откуда извлек металлический несессер, размером чуть крупнее портсигара. Внутри оказался пустой спичечный коробок и лопаточка, не больше пилки для ногтей. Ею Девятов тщательно и ловко выскреб между дощечек паркета немного бурой засохшей крови и почти любовно ссыпал этот порошок в спичечную коробку.

– Что-то нашли? – не удержалась Светлана, которая, глядя на это действо, не знала, что и думать.

Но Девятов лишь улыбнулся ей и ничего толком не ответил. Он уложил коробку обратно в несессер, почистил лопаточку о носовой платок и отправил ее туда же. Светлана разглядела, что спичечных коробков у него еще два или три.

А после сыщик осмотрелся в библиотеке – теперь выше пола.

– У вас отличная коллекция книг! – не к месту сделал он комплимент. – Должно быть, проводите здесь много времени?

Этот вывод Девятов сделал, судя по всему, когда углядел в дальнем углу библиотеки внушительную стопку книг возле уютного глубокого кресла и почти до основания оплавленную свечу. Это Надюша оставила: сестра любила читать и действительно проводила в библиотеке много времени. Но Светлана, почувствовав, что не нужно заострять на сем факте внимание, лишь вымученно улыбнулась и повела плечом.

Но сыщик и не стал допытываться.

Его внимание привлекла остекленная дверь, что вела на террасу прямо из библиотеки. Он отодвинул портьеру и сквозь стекло рассматривал террасу вместе с расстелившимся за ней задним двориком, утопающим в зелени.

Дверь была плотно закрыта и заперта на засов – изнутри. Наверное, поэтому она тотчас перестала интересовать Девятова, и он, отпустив портьеру, снова повернулся к Светлане.

– Очевидно, что ваш муж был застрелен, – сказал он. – В доме есть оружие?

– У Петра, моего слуги, есть что-то… – произнесла Светлана и сделала вид, что задумалась.

Это «что-то» было стареньким пехотным штуцером, с которым, как рассказывал Петр, еще его отец оборонял Бомарзунд в Восточную войну. Но Светлана сомневалась, что этот штуцер вообще способен еще выстрелить – настолько он был видавшим виды. Разумеется, Павел застрелен не из штуцера, а из револьвера. Да, Светлана несколько разбиралась в оружии, но никогда не выказывала этого интереса на людях и, тем более, сочла ненужным упоминать при полиции.

Девятов же кивнул, наверное, взяв себе на заметку поговорить с Петром.

– А выстрел вы слышали?

– Нет, – подумав, отозвалась Светлана, – я ничего не слышала.

– Странно… – пробормотал следователь. Потом вслед за Светланой вышел из библиотеки и закрыл за собою дверь. – Вы говорили, что сами нашли тело. Расскажете, как все было?

Светлана очень постаралась не выдать, что именно этого вопроса она ждала и боялась уже давно. Но и ответ был у нее готов заранее – еще до того, как она отправила Петра за полицией.

– Это случилось ночью, без четверти час примерно, – заговорила Светлана, когда они вернулись в гостиную и расположились в креслах. – Мне надо было поговорить с мужем, потому, едва я закончила с делами – отдавала некоторые распоряжения экономке – спустилась в библиотеку. Было почти темно. Я подкрутила лампу, добавляя света, и увидела на полу…

В этот момент столь сильные эмоции завладели Светланой, что она вдруг встала и отвернулась от сыщика, желая хоть как-то их скрыть. Видимо, не так безразличен ей Павел, как она привыкла думать… ей было необыкновенно трудно говорить о нем, мыслить, как о мертвом. Все внутри переворачивалось от необходимости говорить о нем так. Это неправильно… это какая-то ошибка.

– Простите… – ругая себя за эти нервы, Светлана сделала усилие и повернулась к сыщику. Вновь продолжила рассказ – порывисто, живо, так как заучила себя говорить. – Я подбежала и села рядом на пол, пыталась привести его в чувства – я не сразу сообразила, что он мертв, понимаете?.. – Она всхлипнула – на этот раз вполне осознанно и притворно.

Светлана очень постаралась, и одна-единственная слезинка скатилась из уголка глаза, повиснув на ресницах.

– Понимаю, – участливо кивнул Девятов и подал ей свежий платок.

– Спасибо, – она коснулась им кожи возле глаз, так и не тронув драгоценную слезинку. – Спасибо вам за все, я верю, вы действительно мне поможете.

Светлана отлично знала, как хороши вблизи ее русалочьи глаза, становившиеся от слез почти прозрачными. И подняла взгляд на Девятова, лицо которого было сейчас так близко к ней, что она разглядела красные прожилки возле его радужки.

«Сколько же он не спал, бедняга?» – даже с сочувствием подумала она.

Вот только понять, действуют ли все ее уловки, она до сих пор могла.

– Что вы сделали потом? – задал очередной вопрос Девятов.

– Потом? Потом я все же поняла, что мой муж мертв… хотя я уже вся перепачкалась в его крови, и Надя, моя сестра, вошедшая в этот момент, перепугалась почти до обморока. На ее крик сбежались слуги. Я пыталась их успокоить, запрела дверь в библиотеку и… собственно, сразу велела Петру поехать к ближайшей почтовой станции и телеграфировать в полицию.

Светлана сама удивлялась, но то, что она рассказала, было правдой. Почти. За исключением нескольких деталей.

– Ведь убийца не мог далеко уйти? – горячо уточнила она. – Столь мало времени прошло – вы найдете его, да?

– Разумеется, найдем, любезная Светлана Дмитриевна, не сомневайтесь, – заверил ее сыщик не менее горячо. – Вы сказали, вошла ваша сестра… а зачем она направилась в библиотеку ночью?

Сердце Светланы вновь пропустило удар. Надя-то здесь причем – неужто он допускает, что девочка имеет к этому хоть какое-то отношение?

– Взять книгу, – она ответила это как что-то само собой разумеющееся. – Моя сестра не может уснуть без книги и такая рассеянная, что наверняка не думала застать Павла Владимировича в библиотеке в такой час… – И, понижая голос, попросила: – она дитя совсем, такая впечатлительная девочка… прошу, не беспокойте ее расспросами.

– Хорошо, – кивнул Девятов как будто с пониманием, – разумеется, я не думаю, что ваша сестра причастна к этой трагедии. Но побеседовать нам все же придется. Очень мягко, уверяю вас.

«Он действительно ее подозревает…» – Светлана паниковала уже не на шутку.

А сыщик заговорил с нею опять:

– Светлана Дмитриевна, позвольте спросить: много ли семей проживает здесь, в округе?

– Нет, сейчас всего три семьи, включая нас с сестрой и Гриневских, хозяев поселка. Едва ли вам стоит посвящать в это наших соседей – они даже знакомы с моим мужем не были.

– Как это? – изумился Девятов.

Светлана, понадеявшись, что, быть может, увлечет его беседой, и он забудет о Наде, охотно начала рассказывать. Право, она давно уже была лишена той стыдливости, из-за которой могла бы молчать об этих подробностях своей жизни.

– Видите ли… – с деланным смущением Светлана отвела глаза, – должно быть, Платон Алексеевич не счел нужным посвящать вас в детали, но у нас с супругом несколько разнится круг интересов. Павлу Владимировичу по душе более теплый климат и уединение… Он никогда не бывал в Горках, а за последние четыре года мы виделись от силы раз пять.

Светлана вымученно улыбнулась.

Если этот сыщик хоть сколько-нибудь сообразителен, то должен догадаться, что Павел просто-напросто оставил ее. Бросил, если угодно. Правда, она и сама не очень настаивала на своих правах жены. Может быть, даже первая сказала, что не хочет его больше видеть. Когда умер Ванечка, все было словно в тумане: Светлана плохо понимала, что говорила и делала тогда. И возможно, что, если бы Павел не послушался и остался с нею… возможно, та восторженная влюбленность переросла бы во что-то более глубокое. В настоящее.

Они вполне искренне клялись когда-то друг другу, что не расстанутся ни в горе, ни в радости. Оказалось, что в радости быть вместе не составляет никакого труда… а вот горя они пережить не сумели.

– Павел Владимирович большую часть года проводит в родовом имении, под Новгородом, около пятисот верст отсюда, – продолжила Светлана. – Мне же нужно вывозить сестру в свет, потому я осталась в Петербурге. Лишь на летние месяцы снимаю дачу здесь, у Гриневских – они мои друзья с самого детства, мы вместе росли.

– И, тем не менее, Гриневские не знакомы с графом Раскатовым?

Светлана развела руками, соглашаясь:

– Так вышло. Гриневские поженились прежде, чем я повстречала Павла Владимировича. Они уехали сюда, в Горки – это имение досталось им в приданое. Я и не думала тогда, что увижу их вновь.

Девятов кивнул, кажется, его вполне удовлетворил такой ответ.

– Другие соседи тоже ваши друзья детства?

– Нет, что вы. Вторую дачу снимает Николай Рейнер.

Девятов снова кивнул, не сразу, наверное, сообразив, но тотчас переспросил:

– Тот самый Рейнер?

– Да, знаменитый художник, – улыбнулась Светлана. – Здесь уже Финляндия: сосны, озера, горы – красивейшие места, очень живописные. Потому он с женой, сыном и братом частый гость в Горках. Рейнеры, бывает, обедают у нас – замечательные люди.

– И Рейнеры тоже не были знакомы с вашим супругом? – подумав, уточнил Девятов.

– Насколько мне известно, нет.

– Зачем же тогда приехал ваш муж? Вероятно, чтобы решить с вами какие-то дела?

– Возможно. Но я не имею об этом ни малейшего понятия – я и шла сегодня ночью в библиотеку, чтобы поговорить с мужем об этом. Но, как вы понимаете, ничего не выяснила.

Девятов, выслушав это, озабоченно кивнул. Кажется, в итоге он вполне поверил Светлане.

Глава 3

Коротко постучав, Светлана отворила дверь в комнату Нади. Сестра этого даже не услышала, она, сдвинув брови и с выражением капризного упрямства на лице, вынимала из комода целые охапки кружев, лент, оборок и бросала их на кровать. Шкаф и два сундука были уже пусты – одежда комьями падала с кровати, и Надя сама же наступала на нее.

Светлана подозревала, что станет жалеть о своем вопросе, но все же его задала:

– Надюша, что ты делаешь?

Надя, застигнутая врасплох, несколько растерялась:

– Ищу шляпку… темно-серую, которую мы в Париже у Ланвэн покупали, помнишь? Это моя единственная шляпка, которую можно надеть в траур, мне теперь без нее не обойтись. Ума не приложу, куда Алена ее запрятала! Она все делает мне назло, чтобы вывести меня из себя!

– Ты попала в ней под дождь на той неделе, и сама же поручила Алене высушить и почистить шляпку.

Сестра снова растерялась, видимо, о том случае она напрочь забыла. Но тотчас перешла к излюбленной тактике – обвинению всех и вся:

– И что, она целую неделю чистит одну маленькую шляпку? Она бездельница! Она меня и мои интересы в грош не ставит! Скажи ей, чтобы в первую очередь она выполняла всегда мои поручения!

– Сама скажи, Алена твоя горничная, – вздохнула Светлана. Она и правда уже жалела, что задала тот вопрос.

– Она меня не слушается! – Надя бросила очередную охапку одежды прямо на пол, обхватила себя за плечи и говорила теперь со слезою в голосе. – Меня никто в этом доме не слушается, все только и делают что хотят меня обидеть побольнее… Все, начиная с тебя!

– Прекрати! – устало поморщилась Светлана. – В этом доме все и всё крутится вокруг тебя, как тебе не стыдно?!

– Как же – крутится… – Надя действительно уже плакала. – Только я этого почему-то не замечаю! Меня никто из твоих слуг не любит, все за спиной шепчутся и считают приживалкой… Скажи им, чтоб не шептались!

– Сама скажи. Когда своим домом заживешь, тоже будешь меня всякий раз звать, чтобы я твою прислугу приструнила? И хватит об этом, я пришла не для того, чтобы выслушивать про твои шляпки!

Надюша с видом униженной бедной родственницы села и опустила глаза в пол. А Светлана опять почувствовала себя скверно. Сколько раз она сама себе клялась, что не станет повышать голоса на Надю?..

– Тебя хочет видеть полицейский следователь, – уже спокойнее сообщила Светлана, – главное ничего не бойся, это их извечная бюрократия: ему просто нужно отметить, что он со всеми поговорил. Но, вероятно, он станет спрашивать, что ты видела в библиотеке.

Надя тотчас вскинула испуганный взгляд на Светлану:

– И что мне делать? Что ему сказать?

– Правду, разумеется, – вздохнула Светлана. Поймала взгляд сестры и, цепко его удерживая, пояснила, какую именно правду: – Что ты по-рассеянности пошла ночью за книгой, не подумав, что можешь застать там Павла Владимировича. И увидела меня, пытающуюся привести его в чувства.

– Ну да, именно так все и было! – искренне заверила Надя.

Настолько искренне, что Светлана, посмотрев на сестру с сомнением, призадумалась. Может, действительно так все и было? Та ожесточенная ссора в библиотеке и все, что за ней последовало – может, Светлане и впрямь это почудилось?

– И хорошо, – ответила она сестре и улыбнулась ее понятливости.

Если даже сама Светлана поверила в правдивость слов Нади, сыщик поверит тем более. Надя же, помолчав и понижая голос до шепота, спросила снова:

– Светлана, а что мне сказать про Леона?

Та посмотрела на сестру строго и предупреждающе:

– Ничего. Ты его не видела и ничего не знаешь – запомни это. Я сама расскажу то, что посчитаю нужным.

Покинув Надину комнату, Светлана задумчиво и неспешно – ноги сами несли ее – направилась в другое крыло дома, где располагались гостевые комнаты.

«А что, если это Леон сделал?» – спросила она себя и подивилась, отчего не задумывалась об этом прежде. Ведь он уехал как раз ночью. Быть может, именно после того, как убил Павла. Он ведь даже обещал ей в запале, что станет стреляться с ее мужем!..

Найдя дверь комнаты, принадлежавшей последние недели Леону, Светлана толкнула ее и вошла внутрь. Не разобранная с вечера постель, плащ на спинке кресла, галстук на ковре, чемодан с вещами… плащ тот самый, в котором он сюда явился. Уезжал он крайне поспешно, судя по всему. Если и вовсе покинул Горки… больше похоже, что хозяин комнаты просто отлучился куда-то на пару минут.

Полная смятений, Светлана вышла, подумав, что надо отправить Алену убрать здесь все. В этом доме она Леону задержаться более не позволит в любом случае.

Но разыскать Алену оказалось не так просто: ни в людской, ни на кухне ее не было. Светлана уже хотела махнуть рукой и заняться другими делами, более насущными, но вдруг услышала громкий и отчетливый смешок за какой-то дверью. Потом разобрала два голоса – мужской и женский, определенно принадлежащий Алене. Пошла на звуки и, толкнув дверь – тотчас увидела Надину горничную в компании полицейского кучера. Они вели беседу, весьма премилую и уединенную.

– Ой! Простите ради бога, Светлана Дмитриевна… – ахнула Алена, едва приоткрылась дверь.

Девушка раскраснелась до корней волос – то ли от той их беседы, то ли смущенная внезапным появлением хозяйки. Немедля подхватила тюк с бельем у своих ног и пулей вылетела вон. Право, столь шустро она это сделала, что Светлана на миг усомнилась, уж не почудилось ли ей присутствие горничной?

А кучер остался.

И глядя на него вблизи Светлана живо сообразила, что пятидесяти лет ему точно не было. Ему и тридцати пяти еще нет. Серые глаза, удивительно мягкие, под строгими лохматыми бровями. Чистое лицо, высокий лоб. Нос совершенно прямой, тонкий, удивительно красивый. Редко встретишь деревенского мужика с таким носом. Неискушенной Аленке и впрямь было, отчего раскраснеться. На лоб падали светло-русые пряди, тоже невозможно лохматые, и все-таки милые, которые хотелось причесать, но не остричь.

Все портила только его косматая нелепая борода, даже для деревенского мужика нелепая. А еще – как только он заговорил – речь, с головой выдающая невысокое происхождение и скудное образование.

– Вы уж простите, барыня, – он по-мужицки попытался пригладить волосы. – Евошнее благородие изволили звац меня к себе, вот ваша девка и вызвалась проводиц.

Даже нос стал казаться менее привлекательным.

«Выходец с севера, должно быть, – подумалось Светлане. – Новгородские или Псковские земли. Еще и ее Алену девкой обозвал…».

Светлана было дочерью редактора журнала, литератора, человека крайне небогатого, но – интеллигента. Именно отец наградил ее чудн**ы**м книжным именем, а еще привил способность рефлекторно морщиться всякий раз, когда она слышала грубость.

Она молча смерила мужчину взглядом, но вроде бы ее ничего не насторожило. Должно быть, и впрямь сыщик помощника позвал. А разговор тет-а-тет с горничной – так Аленка девица видная, на нее многие засматриваются да забывают, куда шли.

– Коли сбежала ваша провожатая, придется мне. Идемте…

Закутавшись плотнее в накидку, Светлана повела его к сыщику, все-таки размышляя, для чего тот позвал кучера.

– Я в окно видела, вы сторожа моего подзывали. Все ли в порядке с повозкой? – решилась спросить она. – В деревне неподалеку кузня есть – там и с ремонтом помогут, если помощь нужна.

– Никак нет, барыня, без кузнеца управлюсь с божьей помощью. Да и Петр ваш подсобить обещал!

«Уже и с Петром по имени познакомился…»

Светлана негодовала. Ей не нравилось, что полицейский, будь это и простой неотесанный кучер, без ее ведома разговаривал о чем-то с ее слугами. Предупредить их, чтобы держали язык за зубами, она не успела. Даже не подумала об этом! И оставалось только надеяться, что ни Петр, ни Алена ничего лишнего сболтнуть не вздумали.

Сыщик Девятов в щегольских своих клетчатых брюках все еще на коленях ползал по полу библиотеки, изучая пятна на паркете.

– А, Стенька?! – обрадовался он, поднимаясь, – Как раз вовремя, сейчас помогать будешь! – Он живо стянул сюртук и швырнул кучеру – тот едва успел его подхватить на лету. – Вы позволите, Светлана Дмитриевна?

– Да-да, конечно, не буду вам мешать, – Светлана неохотно вышла за порог и закрыла за собою.

Попыталась прислушаться, о чем говорят эти двое, но двери были прочными, а припадать к замочной скважине Светлана сочла не по рангу себе. Да и толку…

Во второй раз она нашла Алену куда скорее – та была в кухне и грела воду для стирки. На хозяйку девушка смотрела с непонятным опасением. Непонятным, потому что строгой барыней Светлана себя вовсе не считала.

– О чем он тебя спрашивал? – смерив ее взглядом, задала вопрос Светлана.

– Н-ни о чем… – Аленка разволновалась пуще прежнего и дрожащими пальцами принялась переплетать кончик косы, – вовсе ничего не спрашивал, барыня! Так… поздоровался токмо.

Ей было семнадцать или около того. Алена была сиротою, из родственников только Петр, который приходился ей, кажется, дядькой. Родных детей у них с Василисой не было, и тот держал девчонку при себе, в помощницах. А с этого лета Надя взяла Аленку в горничные и собиралась к зиме увезти с собой в Петербург, потому как прежнюю только-только выгнала. Горничные у Нади никогда не задерживались надолго.

– Про гостя нашего рассказала?! – уже без обиняков спросила Светлана.

Аленка побледнела. Смотрела на нее затравленно, едва не дрожа – а потом разом бросилась в рыдания да на колени:

– Я не хотела, Светлана Дмитриевна, ей-богу не хотела! Сама знать не знаю, как так вышло, что проболталась!.. Он меня спросил, чья, мол, сломанная коляска в сарае стоит, а я и рассказала…

Рассказала все-таки…

У Светланы и самой едва не подкосились коленки. Но она совладала с собой, да и Аленку стала успокаивать.

– Ну, рассказала и рассказала, – смирилась она, поднимая девушку с колен. – Тайны в том большой нет, я и сама собиралась сказать. Больше гость этот к нам не приедет, так что вещи его из комнаты собери в чемодан, да оставь где-нибудь, чтобы по всему дому не искать.

После, покинув душное помещение кухни, Светлана шла из комнаты в комнату, как потерянная, сама не зная куда. И не зная, что теперь делать. Она храбрилась перед Аленкой, перед Надей, да перед прочими. А на самом деле боялась неизвестности, боялась того, что с ней творится, столь сильно, что с трудом удерживала порыв бежать отсюда куда глаза глядят.

В безотчетном этом порыве Светлана даже вышла на крыльцо… дальше уйти не хватило смелости. Подставила лицо порыву ветра, принесшему сырой, пропитанный хвоей воздух и снова, в который раз подивилась, как здесь, в этих местах, красиво. Алина выделила ей дом, бывший прежде барским: белокаменное в античном стиле здание стояло на самом берегу озера, которому даже названия не дали – настолько оно было мало.

На том берегу озера располагались другие дачи и деревня, а за ней – могучие, величественные горы, поросшие соснами.

«Может, это и неплохо, что Аленка уже рассказала про Леона… – подумала Светлана. – Вдруг полиция решит, что это он убил Павла? А, может, так оно и есть?..»

Глава 4

Как только дверь библиотеки закрылась за хозяйкой, Кошкин зло швырнул сюртук обратно Девятову:

– Ты, Михал Алексеич, играй, да не заигрывайся.

– Ну, прости, Степан Егорыч, – не обращая внимания на тело несчастного графа, распростертое на полу, Девятов захихикал, как мальчишка, – не могу удержаться, когда вижу тебя с этой дурацкой бородой. Не боишься, что она прямо при хозяйке отклеится? Вот визгу-то будет. Зачем вообще тебе этот маскарад, не понимаю? Пока ты прохлаждался во дворе и изображал деревенщину, я всю работу сделал. Ну почти.

– Да я тоже много любопытного узнал.

– От слуг? – фыркнул Девятов. – Да знаю, знаю я твою теорию, что от прислуги гораздо больше полезного можно услышать. Да только они ж наверняка врут половину!

– Людям вообще свойственно врать, – отстраненно заметил Кошкин, – однако, по моему опыту, господа врут куда больше.

– Кстати о господах… – Девятов быстро соскучился продолжать тему маскировки и тихонько приоткрыл дверь, проверяя, не слушает ли их кто. Удовлетворенно ее закрыл и повернулся к Кошкину: – Ничего так бабенка, да? Я о вдовушке. В самом соку – повезло ему! – Девятов кивнул все на того же покойного графа и разулыбался, довольный двусмысленной шуткой.

– Прекрати, – вяло, скорее для проформы, осадил его Кошкин.

О вдовушке он и сам был невысокого мнения: муж лежит мертвый, а она ходит по дому, разодетая, как стыдно сказать кто, и явно рассчитывает своими прелестями обаять Девятова. Его ведь она посчитала за следователя? Интересно, зачем она это делает?.. Неужто вина за ней какая есть?

Кошкин очень недолго разговаривал с графиней Раскатовой, но ясно для себя понял: ее что-то очень гнетет, но, кажется, отнюдь не смерть мужа.

Нет, что-то другое.

Кошкин поклясться готов был, что в убийстве покойного графа замешан мужчина Раскатовой, любовник. Нагляделся он на истории с подобным печальным финалом достаточно, чтобы быть в этом уверенным.

Встав на одно колено возле тела графа, он нахмурился и оглядел рану, после чего подозвал Девятова:

– Хорош зубоскалить, рассказывай лучше, что нашел.

Девятов тяжко вздохнул. Разумеется, он куда охотнее пообсуждал бы еще достоинства прекрасной вдовы и наличие в комнате тела ее покойного мужа его вовсе не смущало. Тела убитых Девятова вообще никогда не смущали, не нарушали размеренности жизни и не тревожили его настроения – подобный цинизм поражал, а порой и выводил Кошкина из себя. Единственная причина, по которой он терпел помощника, заключалась в том, что Девятов был профессионалом в своем деле.

Вот и сейчас, быстро включившись в работу, Девятов мизинцем указал на пулевое отверстие в груди убитого:

– Хватило, как видишь, единственного выстрела – оружие боевое, мощное, но мелкокалиберное. Револьвер, скорее всего. Но стреляли, меж тем, два раза. – Тот же мизинец Девятов перевел на дверной проем, и Кошкин только теперь отметил, что дерево на резном наличнике выщерблено пулей. А Девятов прокомментировал: – Одна пуля ушла в сторону: промазал. Не самый искусный стрелок наш убийца. Ну а стоял он, судя по всему… – Девятов огляделся и сделал три больших шага назад. – Примерно здесь, возле окна.

Кошкин согласился, что, если соединить эти три точки: пулю, врезавшуюся в древесину, труп Раскатова и место, где стоит Девятов, то выйдет ровная линия. Стреляли и впрямь оттуда.

– А граф стоял у стеллажа, то бишь книгу выбирал, получается, – продолжал рассуждать Девятов. – Тело, судя по крови на полу и расположению трупных пятен, вроде не двигали: как упал он на спину, задев вот эти стулья, так его и оставили.

Кошкин снова согласился: крови вокруг тела было много. В нее неоднократно наступали, пачкая пол и разнося следы на ботинках – или хозяева дома, или сам убийца. Но тело, скорее всего и впрямь не двигали. Ни задранной одежды у покойного графа, ни других следов волочения.

Однако кое-что все же обратило на себя внимание Кошкина. На груди графа, совсем рядом с раной, под шелковой тканью его халата с восточными узорами четко выделялся прямоугольник. Будто что-то лежало во внутреннем кармане. Не раздумывая, Кошкин отодвинул полу халата и осторожно, двумя пальцами, потянул свернутый пополам бумажный лист, что лежал там.

– Письмо? Как это я умудрился просмотреть… – мигом подскочил и встал за его плечом Девятов. Но тут же разочарованно протянул: – На французском…

Языка он не знал, но все равно попытался перевести вслух:

– «Мой любимый Поль…»

– «Мой дорогой Поль»! – поправил Кошкин. – Написано «Mon cher Paul». К любимому бы обратились скорее «Mon bien-aime Paul».

– Вот оно что… – разочарованно хмыкнул Девятов. – Это что же значит, когда третьего дня мне моя Машенька сказала «Mon cher Michel», то не имела в виду ничего такого? Вот те раз! А целовала-то как горячо! И верь после этого женщинам, Степан Егорыч…

– Сочувствую… – не очень-то искренне согласился Кошкин. А сам бегло читал письмо дальше: – Это определенно дама пишет. Просит его немедля приехать в Горки для неотложного разговора. Говорит, это вопрос жизни и смерти. Дает точный адрес и рассказывает, как добраться… подписи нет. Конверт бы найти.

Это был лист плотной и гладкой дорогой бумаги, аккуратно оторванный как будто из дамского дневника. Что примечательно, кем сия дама приходится убитому графу, из письма было непонятно.

– Может, это сама Раскатова писала? – предположил Девятов. – Вот только она отрицала, что вызывала мужа.

– Если отрицала, то первым бы делом забрала письмо. Времени для этого у нее было достаточно.

– Может, она не знала, что граф его в кармане носит?

– На дуру она не похожа: не знала б точно, так проверила бы.

Кошкин вспомнил холодный, изучающий взгляд Раскатовой, коим наградила она его при встрече, и отчего-то подумал, что, если графа и правда убила его супруга, то доказать это едва ли получится. Потому что уж кто-кто, а она точно устроила бы все так, что комар носа не подточит.

Вот только это было не рядовое расследование убийства: Кошкин явился сюда по личной просьбе графа Шувалова, человека, которому он был обязан всем. Потому убийцу следовало найти, даже если это невозможно.

– Тоже возьми в лабораторию и узнай все, что сможешь, – Кошкин отдал листок Девятову. – Сколько уже тело здесь лежит?

– Так… – охотно отозвался Девятов, – ежели убили его ровно в полночь, получается… десять с половиной часов.

Кошкин уже хотел, было, принять сказанное на веру, но сообразил – что-то тут не так. И настороженно повернулся к Девятову:

– Откуда такая точность – про полночь?

Лицо Девятова сделалось хитрым:

– Так часы остановились. Все знают, что когда в доме кто-то умирает – часы и останавливаются.

Проследив за взглядом Девятова, Кошкин действительно увидел большие напольные часы слева от входной двери. Стрелки их замерли на пяти минутах первого. Часы стояли.

Кошкин еще раз повернулся к помощнику, оценил взглядом, не шутит ли он, и устало заключил:

– Девятов, ты – идиот.

Тот обиделся:

– Степан Егорыч, ты, конечно, начальник, но обзываться-то зачем?

– Я не обзываюсь, Девятов, я озвучиваю факт.

Кошкин подошел ближе к часам и внимательно осмотрел: шальная пуля точно в них не попадала, чтобы судить, остановились ли они именно в момент смерти Раскатова, или стоят так уже неделю.

– А во сколько нашли тело?

– Вдова говорит, что без четверти час ночи, – Девятов, судя по всему, уже забыл обиду и увлеченно высматривал что-то на полу с лупой.

– Надо бы поинтересоваться у нее, работают ли вообще эти ходики… – отметил для себя Кошкин. – Что ты ищешь там, на полу? – он подошел ближе.

– Да вот, – отозвался Девятов, – ты на меня идиотом ругаешься, а я кое-что нашел… графа-то у стеллажа застрелили, а мазки крови почему-то дорожкой тянутся через всю залу от самых дверей.

Кошкин, насторожившись, тоже взял лупу и сам начал изучать паркет. Насчет «дорожки» Девятов, правда, погорячился: бурые мазки – будто по полу что-то тащили – действительно можно было отыскать на паркете, но располагались они несколько хаотично и были хорошенько растоптаны. Что любопытно – к телу графа они не вели, едва ли это его кровь. В основном следы были уже смазаны, но кое-где, особенно у дверей это были вполне различимые обильные пятна.

– Занятно… – согласился Кошкин. – Это точно кровь?

– Соскобы взял, в лаборатории скажу точно. Может, конечно, и соус помидорный, кто его знает… Мое мнение такое, Степан Егорыч, что убийца и сам был ранен. Причем, скорее, первым выстрелил даже Его Сиятельство граф – пока будущий еще убийца стоял вот здесь, на пороге.

– Зачем же убийца потом по всей библиотеке ходил и лил кровь? – поинтересовался Кошкин. С лупой в руках он глядел, куда ведет «дорожка» следов. – Мазки ведь даже у стола есть и возле окна…

– Может, искал что-то в столе? – предположил Девятов. – Ценные бумаги, завещание… Это мы с тобой в ящиках только цидульки служебные храним – век бы их не видеть – а они, аристократы, наверняка там что-нибудь ценное прячут.

Кошкин, слушая его, как раз осматривал полки в столе, но вовсе ничего не нашел, кроме карандашей, чернильного набора и чистой бумаги. А потом его вниманием завладело окно с остекленной дверью на террасу. Двери он прежде не видел.

– Я тоже сначала подумал, что убийца вошел и вышел через эту дверь, но потом… – догадался о ходе его мыслей Девятов. Приблизился и откинул занавеску: – Заперто, видишь? Изнутри. Не мог убийца уйти через террасу.

– Еще как мог, – возразил Кошкин и откинул засов, – спокойно вышел, а дверь потом уже кто-то запер. Нарочно или случайно. Сейчас август, духота стоит всю ночь – с чего бы им эту дверь запертой держать?

– Логично, – подумав, признал Девятов.

– И, ежели убийца знал об этой двери, то, выходит, он часто бывал в доме…

А еще через мгновение, когда присел на корточки, Кошкин обнаружил и доказательство своей теории: со стороны улицы на белом крашеном порожке дверного проема красовался небольшой бурый мазок.

– Это что? Дай-ка сюда лупу…

Направив же увеличительное стекло на мазок, Кошкин вдруг разглядел возле него две синие шерстяные нитки, зацепившиеся за неровности древесины.

– Похоже, что это нам презент от нашего убивца, – хмыкнул Девятов, воодушевляясь. Он тотчас полез за несессером с принадлежностями и сделал немудреный вывод: – Никак в синее он был одет. Навроде моего.

Кошкин, не дожидаясь, пока помощник упакует нитки, переступил порог и оказался на террасе. На деревянных ступенях, ведущих в сад, он увидел еще одно пятно – смазанное и едва заметное, но не оставляющее теперь сомнений, что убийца вышел именно через террасу.

Ступал Кошкин крайне осторожно, стараясь не примять траву, но торопился пересечь сад, потому как уже углядел, что заканчивается он низким беленым заборчиком – с калиткой, укрытой в смородиновых кустах.

Сад за дачей Раскатовых был небольшим, шагов тридцать в ширину, но зеленым и ароматным. Стелились аккуратные грядки, перемежаясь с плодовыми деревьями, а в траве четко выделялась тропинка, ведущая как раз к калитке. К интересу Кошкина та была не только не заперта, но и широко распахнутой, словно покидал кто-то сад Раскатовых в большой спешке.

Однако на этом успехи в расследовании и закончились, поскольку калитка выходила на широкую песчаную тропку, тянущуюся вдоль всего беленого забора. После тропка соединялась с главной дорогой в Горках и терялась где-то вдалеке, среди залитых солнцем сосен.

Отсюда убийца мог уйти в любом направлении. Мог сесть в экипаж, уехать в Петербург, и найти его, кажется, вовсе не представляется возможным…

– Здесь всего две семьи, кроме Раскатовых, живет, – пытаясь подбодрить, сказал за спиной Девятов. – За пару дней управимся и всех допросим. Одни соседи – Гриневские, хозяева Горок; а вторые – семейство Николая Рейнера.

И тотчас, должно быть увидев в глазах Кошкина замешательство, поспешил добавить:

– Рейнер это знаменитый художник. Что – не слышал про Рейнера? Ты бы хоть в Художественную академию сходил на выставку или еще куда, а то стыдоба…

– Да слышал я про Рейнера, слышал… и картины его видал, – довольно натурально заверил Кошкин.

Картину он, правда, видел всего одну – это была репродукция в каком-то журнале, изображающая мрачный сосновый бурелом. Но картина точно была подписана Рейнером. Кошкин листал тот журнал в гостиной купца, коего следовало допросить, как свидетеля.

Кошкин очень болезненно реагировал всякий раз, когда обнаруживал пробелы в собственном образовании. Потому тотчас решил для себя в ближайшее время посетить художественную галерею и побольше разузнать про этого Рейнера.

И образование его, и неказистое происхождение вечно были поводом чувствовать себя неловко, если уж говорить прямо. Особенно теперь, когда волею Его сиятельства графа Шувалова он занял кабинет в Департаменте полиции на Набережной Фонтанки, 16, в Петербурге. В здании этом, обители центрального органа имперской полиции, в коридорах да на лестницах то и дело приходилось сталкиваться с лицами недосягаемо высокими, вхожими в Зимний, а то бывшими в близком знакомстве с самим Государем императором да не уступавшим тому в родовитости…

Родители же Степана Егоровича были самыми обыкновенными мещанами из города Пскова. Матушка, Арина Алексеевна, по молодости служила актрисой в городском театре, а

как вышла замуж, то села дома – шила костюмы да мастерила реквизит для исполнителей того же театра. Накладных бород, париков да всего такого прочего в доме Кошкиных всегда было довольно, и юный тогда еще Степан исподволь научился всем пользоваться – когда шутки ради, а когда и для дела…

Отец же, Егорий Яковлевич, уволившись из армии в чине унтер-офицера, вернулся в родной свой Псков, женился, покорив сердце красавицы-актрисы, а после так и служил в городской полиции околоточным надзирателем.

Сын вознамерился идти по его стопам, да только карьерных амбиций с малых лет имел поболе. Как, впрочем, и возможностей. Хотя окончил всего-то церковно-приходскую школу, потому как семья никогда богатой не была и денег для обучения в городском училище попросту не имела. Но учился Кошкин всегда много и охотно. И рано понял, что его единственный шанс выбиться в люди – это сделать военную карьеру. Еще в юности, как сыну унтер-офицера, ему позволено было сдать экзамен на вольноопределяющегося. Сдал с блеском и поступил в армию на льготных условиях – с тем умыслом, чтобы после иметь возможность попасть в юнкерское училище. Удалось. А с одобрения да с поддержкой Его сиятельства графа Шувалова5[5], он поступил не куда-то, а в Санкт-Петербург. Окончил училище по первому разряду и получил свой первый офицерский чин, столь вожделенный. А совсем недавно и выслужил личное дворянство.

И пусть Степан Егорович в карьере своей пошел дальше, намного дальше, нежели отец, и знаний за последние десять лет приобрел множество, самого разного толка, включая хотя бы вполне сносное понимание да разговор на французском – в душе, кажется, так и остался неуверенным, что достоен этого всего.

Оттого и упирался в профессии изо всех своих сил. Знал точно: чтобы принимали его в расчет хоть сколько-нибудь, он должен быть лучшим, необходимым, незаменимым.

* * *

Молча согласившись, что они с Девятовым и правда сумеют опросить всех немногочисленных дачников за пару дней, Кошкин все же оторвал взгляд от песчаной тропки, по которой мог убраться предполагаемый убийца, и огляделся… а после, поддавшись необъяснимому для себя порыву, вдруг резко сорвался с места и бросился поперек тропы.

Там, на другой обочине дорожки, снова были зеленые кусты и трава по пояс, а пробравшись сквозь них, Кошкин вдруг оказался на берегу озера – прозрачного, гладкого как стекло и завораживающе спокойного. Но даже не озеро более всего захватило внимание Кошкина, а аккуратный белокаменный дом, что стоял на другом его берегу. От дома того тянулся причал, к которому была привязана лодка, застывшая в тихой воде.

[5] История знакомства Кошкина с графом Шуваловым, а также о его первых расследованиях, рассказываются в цикле книг о Лидии Тальяновой «Загадка для благородной девицы», в которых Кошкин выступает второстепенным героем (прим.)

Глава 5

– Это дом художника, Степан Егорыч, точно тебе говорю, – озвучил свои догадки Девятов. – Вот если б я был художником, то именно такую дачку бы и прикупил. И женился б на Раскатовой… – он помолчал, словно что-то решая для себя, а после твердо добавил: – Да!

– Губу закатай, – коварно вторгся в его мечты Кошкин.

Сам он не брался утверждать, что дача на том берегу озера принадлежит именно Рейнеру. Его куда больше интересовало, сколько понадобится времени, чтобы на лодке, что привязана к причалу, добраться до дачи Раскатовой? Едва ли больше четверти часа.

Девятов еще мечтал вслух о том, что бы он сделал, если бы был знаменитым художником – уж точно не писал картины. Но Кошкин вовсе перестал его слушать, потому как увидел, что к берегу, где они стояли, решительно направляется тоненькая светловолосая девушка, одетая в черное – по всему видно, что барышня.

– Помолчи! – тотчас оборвал он Девятова и начал отклеивать бороду, пока девушка не подошла достаточно близко.

А направлялась она определенно к ним.

– Добрый день, господа, вы ведь из полиции?

Она пыталась держаться с достоинством, но голосок неуверенно дрожал, а глаза метались, не зная на ком из двух сыщиков остановиться.

– Виноваты, сударыня, – помог ей Девятов, делая шаг вперед. Он галантно поклонился и представился, улыбаясь при этом столь располагающе, что девушка просто не могла не изобразить улыбку в ответ.

Оба сыщик были выходцами из мещанского сословия, хоть сколько-нибудь знатных родственников не имели, но Кошкина всегда поражало, с какой легкостью и невесть откуда взявшейся светскостью его помощник обращается с аристократами. Особенно с дамами. Сам Кошкин так не умел – его доля это отчеты, документы, скучное сопоставление фактов. С допросами равных себе он еще справлялся – даже неплохо справлялся, чего уж там – но когда приходилось общаться с господами… все мысли Кошкина были только о том, достаточно ли начищены его ботинки, и хорошо ли отутюжены брюки…

Кошкин чуть приободрился, лишь когда девушка улыбнулась и ему:

– Я Надежда Шелихова… – совсем неуверенно продолжила она, – меня не учили представляться самой, простите… я сестра графини Раскатовой, хозяйки дома.

– Надежда Дмитриевна, стало быть? – Девятов приблизился к ней еще на шаг и с легким поклоном предложил сесть на стоящую подле скамейку, – весьма рад знакомству. Мы со Степаном Егоровичем можем вам чем-то помочь?

– Скорее это я могу вам помочь, – неожиданно заявила девица. – Я знаю, зачем Павел Владимирович приехал в Горки.

Голос ее по-прежнему был несмелым, но теперь в нем проскользнули какие-то отчаянные нотки. Словно девушки приняла решение и намеревалась во что бы то ни стало выполнить задуманное.

Кошкин же с Девятовым, заинтригованные поворотом дела, молча ждали продолжения.

– И зачем же? – не дождавшись, хмуро спросил Кошкин.

Барышня поджала губы, набрала побольше воздуха в грудь и выпалила:

– Я сама написала графу и попросила приехать. Я хотела помирить его со Светланой, у них не очень хорошие отношения, и я подумала, что, если он приедет, и они поговорят, то непременно помирятся. Я же знаю, что они все еще любят друг друга…

Все это барышня произнесла на одном дыхании, почти скороговоркой и опустив в землю глаза.

– Вы так хорошо знали графа Раскатова, чтобы судить о его чувствах? – настороженно уточнил Кошкин.

– Нет. По-правде сказать, я его почти совсем не знала… мы виделись лишь пару раз, когда меня отпускали на каникулы из Смольного…

– Так вы окончили Смольный институт благородных девиц? – уточнил Кошкин, насторожившись еще больше.

– Да! То есть, не совсем… – глаза барышни снова забегали, – вам не понять… это ужасное место. Семь лет, что я там провела, показались мне вечностью, адом. Меня отдали туда после смерти нашего со Светланой батюшки, и каждый раз, когда мне удавалось увидеть сестру, я умоляла ее забрать меня. Но она никогда этого не понимала: удивлялась, что я так и не обзавелась подругами, и утверждала, что Смольный это чудесное место. Нет, я не осуждаю Светлану: она была замужем за прекрасным человеком, что ей до меня… Словом, она забрала меня лишь прошлой осенью, перед бальным сезоном, потому как выезжать одной ей, видимо,стало скучно.

Кошкин слушал девушку, глядя исподлобья. Глаза ее то и дело наполнялись слезами, а губы принимались дрожать: кажется, в этом Смольном ей и правда пришлось несладко. Кошкин слышал кое-что о порядках в этом заведении, которые вполне можно было бы сравнить с казарменными, но, право, не думал, что все так серьезно.

Вероятно, он должен был пожалеть девушку и осудить ее жестокосердную сестру, но отчего-то с каждой оброненной ею слезинкой, Кошкина все больше и больше охватывало недоверие к этой недоучившейся смолянке.

– Надежда Дмитриевна, – опережая Девятова, он решился говорить с нею сам, – расскажите все, что случилось с момента приезда графа Раскатова. Рассказывайте подробно – ничего не упустите.

Девушка кивнула, оправляясь от своих слез, и начала вспоминать. Было видно, что к своей миссии она отнеслась со всей ответственностью:

– Письмо я написала дня три назад и отчего-то думала, что Павел Владимирович приедет тотчас. В крайнем случае, на следующий день. Я в его имении никогда не бывала, но Светлана рассказывала, что оттуда до Горок сотня верст, не больше. А его все не было и не было… я уже подумала, что он не получил моего письма или проигнорировал просьбу – но вчера, около шести часов пополудни, он вдруг приехал. Светлане я так и не сказала о письме, все не могу решиться. Ведь выходит, что в смерти Павла Владимировича есть и моя вина… – глаза ее вновь заблестели от слез. Но она тотчас подняла взгляд – неожиданно решительный – на Кошкина: – Поэтому я сделаю все, чтобы помочь вам.

Услужливый Девятов поспешил ее утешить, а Кошкин, не очень-то доверяя слезам, продолжил допрос:

– Вы уверены, что никакие другие дела графа здесь не ждали?

– Уверена, – изумилась вопросу девушка, – какие у Павла Владимировича могут быть здесь дела? Он ведь никогда не бывал в Горках раньше и никого здесь не знает.

– Вы успели изложить графу вашу идею помирить его со Светланой Дмитриевной?

– Да… – девушка снова отвела глаза в беспокойстве. – Но Павел Владимирович, мне показалось, отнесся к моим словам не очень серьезно.

«Еще бы!» – хмыкнул про себя Кошкин.

Он не знал точно, что за размолвка имела место между супругами, но, по-видимому, значительная, если граф даже никогда не бывал на этой даче. И, раз все-таки приехал, вероятно ожидал услышать более вескую причину для своего беспокойства. У графа Раскатова была поразительная выдержка, если он счел просьбу юной родственницы всего лишь несерьезной.

И Кошкин вновь посмотрел на девушку с подозрением: неужели она и правда столь наивна? А та продолжала:

– Поэтому я решила поговорить с графом еще раз, позже … я знала, что он в библиотеке, и ждала, когда дом стихнет, чтобы пойти туда.

– Павел Владимирович находился в библиотеке один?

Девушка пожала плечами:

– Я не знаю… я несколько раз выходила на лестницу и смотрела на дверь библиотеки, пока ждала – там никого не было.

– И как часто вы выходили на лестницу?

– Дважды или трижды за вечер. В последний раз около полуночи, потому что вскоре часы пробили двенадцать. Я в это время была в своей комнате – собиралась с мыслями, чтобы пойти все же и поговорить.

«Значит, часы все-таки работали…» – отметил Кошкин.

– А выстрелов вы не слышали? – Этот вопрос задал Девятов – задал очень настороженно.

– Нет… – покачала головой барышня и, кажется, только сейчас удивилась, что не слышала.

– И ничего даже отдаленно похожего на выстрел? – не отставал Девятов. – Может, вам показалось, что шампанское где-то открыли, или оконная рама захлопнулась?

– Нет… ничего такого не припомню. Говорю же, все было тихо, все спали.

Барышня уже начинала волноваться, и Кошкин перебил Девятова на полуслове, меняя тему:

– Во сколько вы решились спуститься в библиотеку?

– Не знаю точно… около часа ночи или чуть раньше. Я понимала, что это будет очень ответственный разговор, потому долго собиралась с мыслями.

– И что было, когда вы вошли? – Кошкин чуть посуровел голосом и счел нужным добавить: – Помните, что от ваших слов зависит, найдем ли мы убийцу!

– Я понимаю. Когда я вошла, то первым делом увидела кровь на полу и Павла Владимировича… Светлана сидела на полу, вся перепачканная, и трясла его за плечо.

– Зачем? Разве не очевидно было, что он мертв?

– Что значит «зачем»?! – нерешительность в голосе барышни опять сменилась отчаянной смелостью. – Он ведь ее муж! Разумеется, она надеялась его спасти! Что же – она должна была хладнокровно глядеть, как он лежит на полу?!

Кошкин под таким напором неожиданно смешался:

– Я просто хотел уточнить, Надежда Дмитриевна… Ее сиятельство никто ни в чем не обвиняет.

– Разумеется, вы не должны ее обвинять! – Барышня вспыхнула еще больше. – Светлана этого не делала, как вы вообще могли подумать, будто она замешана в убийстве!

Кошкин совсем смешался. Будь на месте этой девицы кто попроще – вор, разбойник, проститутка – он бы давно уже осадил наглеца, но как ему вести себя со знатью, он до сих пор представлял плохо. Но на помощь ему поспешил Девятов:

– У нас работа такая – думать, Надежда Дмитриевна! – любезно, но жестко сказал он. – Мы сюда приехали, чтобы найти убийцу и, разумеется, подозреваем всех. Мы ведь и вас подозреваем, милейшая Надежда Дмитриевна.

Последнее утверждение барышня приняла, кажется, за шутку, потому что губы ее дрогнули в легкой улыбке. И, разумеется, она тотчас оборвала поток обвинений и потупила взгляд:

– Да, я понимаю, что это ваша обязанность… – теперь она несмело подняла глаза персонально на Кошкина и сказала: – Извините, мне просто стало обидно за сестру. Светлана не заслуживает, чтобы о ней так думали.

«Вот как это у него получается? – подивился Кошкин. – Сказал девчонке, что допускает, будто она человека убила, а та ему улыбается смущенно, словно ей комплимент сделали…».

Девятов временами любил рассказывать, что его бабка согрешила в молодости с неким не то графом, не то князем, так что в его венах, мол, течет благородная кровь – именно этим Девятов объяснял свою непринужденность в общении с господами. Девятов и французского толком не знал, изъяснялся часто с косноязычием, да и отутюживанием брюк не особенно утруждал себя. Но это все не мешало господам частенько принимать его за ровню.

Вот и барышня Шелихова к нему явно расположена куда больше и даже пригласила сесть рядом с собою на скамейку. А тот неспешно продолжил расспрашивать:

– Скажите, Надежда Дмитриевна, а револьвера в комнате что же – не было?

Девушка наморщила лоб, вспоминая, но после решительно покачала головой:

– Кажется, нет. Я не припомню…

Собственно, полезного Надежда Дмитриевна больше не сказала – она обо всем говорила приблизительно и то и дело ссылалась, что крайне взволнована была случившимся и почти ничего не помнит. О двери на террасу – была ли та закрыта – она тоже не помнила. В одном девушка была уверена твердо: графиня Раскатова к убийству своего мужа не причастна.

Любопытны были разве что ее рассуждения о соседях:

– Да, там, за озером, дом художника Рейнера, вы совершенно правы, – охотно кивнула она на вопрос Девятова. – Вы и его подозреваете?

– Отчего вы так решили? – изумился Девятов столь искренне, будто лично был знаком с Рейнерами и знал их как милейших людей.

Несколько секунд девушка боролась с собой, не решаясь выносить сор из избы, и все же не поддалась обаянию Девятова:

– Я неверно выразилась, должно быть. Рейнеры почтенные люди и ничем себя не запятнали, – сдержанно говорила барышня, хотя лицо ее подсказывало, что к семейству художника у нее накопилось достаточно обид. Однако сдержанности ее хватило ненадолго: – Разве что они совершенно не умеют воспитывать детей, их ребенок это сущее наказание! Он ворует яблоки у нас в саду, как какой-нибудь уличный мальчишка, и ничуть не уважает взрослых!

Судя по всему, войну с мальчишкой Рейнеров взрослая Надежда Дмитриевна вела уже давно, потому как от волнения раскраснелась до корней волос. Кошкин же с трудом сдержал улыбку и саркастически подумал, что эти Рейнеры и правда страшные люди.

– А что же другие соседи, Гриневские? – продолжил Девятов.

– Да нет, у Гриневских вполне милые девочки – симпатичные и воспитанные… – и снова покраснела, осознав, что ее вовсе не о детях спрашивают: – Ах, простите, вы, наверное, имели в виду их родителей?

– Вы правы, – улыбнулся ей Девятов.

– Ну что о них можно сказать? Сергей Андреевич довольно приятный человек, он часто бывает у нас… – И очень негромко, но многозначительно добавила. – О его супруге я того же сказать не могу.

Услышав это, Девятов бросил незаметный взгляд на Кошкина – обоим сыщикам все больше и больше хотелось познакомиться с Гриневскими. Но, если Девятов решил, что Надежда Дмитриевна уже ничего важного рассказать не может, то Кошин так не считал.

Напротив, самый важный вопрос она припас напоследок:

– Скажите, Надежда Дмитриевна, – начал он, стараясь не пропустить ни одного движения глаз барышни, – а гостит ли в доме кто-то в данный момент?

Глаза девушка забегали, и она снова прелестно раскраснелась:

– Гостит ли кто здесь?.. Насколько мне известно… хотя я могу и ошибаться, ведь Светлана много кого принимает…

– Надежда Дмитриевна, вы должны говорить правду!

Кошкин попытался сказать это мягко, как сказал бы Девятов, но барышня все равно вспыхнула и бросила ему гневный взгляд:

– Вы что – обвиняете меня во лжи? Я никогда не лгу! Что вы себе позволяете!.. – Кошкин снова напрягся, жалея, что вовсе вступил в разговор, но барышня в этот раз быстро утихла и лишь сказала утвердительно: – Вероятно, вы уже говорили со Светланой об этом…

– Разумеется, говорили, – не моргнув глазом, солгал Кошкин.

И юная барышня Шелихова решилась:

– У нас действительно гостил около двух недель Леонид Боровской, сын князя Боровского. Не подумайте ничего дурного: он был представлен нам с сестрой еще зимою, в Петербурге, а недавно проезжал мимо Горок, и его экипаж перевернулся. Ужасное происшествие… у нас такие плохие дороги! Леон был тяжело ранен, не мог ходить, – глаза барышни вновь начали наполняться слезами, – ужасное происшествие… словом, моя сестра приютила его. Но сегодня рано утром господин Боровской уехал от нас.

«Как вовремя, однако, господин Боровской оправился от своей раны… И уехал, оставив починенный экипаж в сарае Раскатовой», – подумал Кошкин, но вслух благоразумно этого не сказал.

Экипаж Боровского он своими глазами видел в сарае, пока с местным конюхом распрягал лошадей сегодня утром – от конюха же узнал и некоторые подробности.

Сейчас, ясно понимая, что барышня лжет, уточнил, давая ей еще один шанс:

– Уехал рано утром или поздно ночью?

– Что вы имеете в виду? – насторожилась та. – Хотите сказать, что и Леона подозреваете? Это нелепость какая-то… он не мог этого сделать, никак не мог! Вы просто не знаете, сколь благороден и порядочен молодой князь Боровской – поэтому так думаете, – заключила она твердо.

«О да, порядочен, это безусловно…» – снова решил Кошкин не без сарказма.

Дело в том, что некоторое мнение о молодом князе у Кошкина уже сложилось из разговоров с домашними слугами. Те, к примеру, тоже дали понять, что господин, которого обе хозяйки называли чудным именем Леон, появился в доме две недели назад в якобы сломанном экипаже. Якобы – потому что два или три раза господин Боровской одаривал Петра щедрыми чаевыми, чтобы тот ремонтировал экипаж подольше, а прихрамывал на свою многострадальную ногу, лишь когда рядом появлялись хозяйки.

Что любопытно, по словам Алены, барыня Раскатова напротив конюха все поторапливала и интересовалась, скоро ли починят экипаж.

* * *

Сыщики возвращались в дом той же дорогой – барышня Шелихова осталась еще подышать воздухом. Девятов вполголоса и с мечтательной улыбкой говорил что-то, кажется, бесстыдно сравнивал внешность обеих сестер, но Кошкин даже и не слышал его.

Когда он ехал в Горки сегодня утром, то никак не думал, что в расследовании будет замешано столько громких имен – художник Рейнер, а теперь еще и наследник князя Боровского. Скандал в свете обеспечен. Кошкин отчего-то остро посочувствовал вдовой графине, имя которой точно станут трепать на все лады, фантазируя о причинах, по которым молодой князь загостился в ее доме.

Но огласки не избежать, ведь, кажется, и сомнений нет, что Боровской причастен к произошедшему: уехал внезапно, ночью, не попрощавшись толком с хозяевами. Рано пока утверждать, будто именно он убил графа, но он непременно видел что-то.

…Дверь на террасу оказалась распахнутой, хотя Кошкин точно помнил, что они с Девятовым плотно закрыли ее, когда уходили. И пола восточного халата на груди мертвого графа как будто откинута чуть больше, чем оставлял ее Кошкин.

– Любопытно… – сказал разглядывающий ту же картину Девятов, – Кажется, барышня Шелихова, эта нежная фиалка, обшаривала карманы трупа в поисках своего письма. Как дума-

ешь, Степан Егорыч, если бы она нашла его, то побежала бы признаваться во всем добровольно, а?

Глава 6

Полицейские еще не скрылись из виду, когда Надя, не сдержав волнения, сорвала с дерева ближайшую ветку и принялась со злостью обрывать ее листья. Разговор прошел совсем не так, как она рассчитывала. Откуда они узнали про Леона?! Ведь никто, кроме них со Светланой, о нем и не был осведомлен… кажется. Значит, и правда это сестра о нем рассказала, а потом пошла к ней в комнату, чтобы специально выставить ее в глупом виде!

А Надя еще выгораживала ее, лгала полиции, рассказывая им эту сладкую сказку, будто сестра пыталась привести мужа в чувства. Стала бы она спасать Павла Владимировича, как же! Да она наверняка нарадоваться не может, что теперь, наконец, свободна!..

Безусловно, Светлана заслуживала наказания – заслуживала, как никто другой. Надя искренне так полагала, но все же чувствовала, что не следует выносить их семейные ссоры на потеху всему Петербургу. Это их дело, сестер Шелиховых, и полиции в него вмешиваться вовсе необязательно. Это вообще нелепость какая-то, что эти двое, совершенно посторонние им люди, ходят по их дому и задают какие-то вопросы! Наде это казалось дикостью, нелепицей и чем-то совсем-совсем неправильным.

– Надин, ma chérie, вы, когда злитесь, становитесь просто очаровательной.

Голос прозвучал совсем над ухом, так неожиданно, что Надя ахнула и выронила ветку. И тотчас набросилась на обладателя сего голоса с упреками:

– Григорий Романович, вы напугали меня до смерти! Никогда так не делайте! – и вдруг еще более возмутилась: – Зачем вы подкрались ко мне?

– Клянусь, Наденька, у меня и в мыслях не было напугать вас…

Господин Рейнер, младший брат художника, и впрямь пытался показать, как он сокрушается. Впрочем веселые искры в его глазах говорили о том, что ему ничуть не жаль.

Натуральный садист!

– И в который раз уже прошу вас, Надин, – продолжил Рейнер, нагнувшись за ее оброненной веточкой и возвращая ее, – не называть меня по имени-отчеству – не такой уж я старик.

«Как сказать… – мрачно подумала Надя, – он даже старше Сергея Андреевича, в начале лета ему исполнилось тридцать два».

Впрочем, вел себя Рейнер и впрямь как мальчишка. Надя была уверена, что именно он подзуживает восьмилетнего сына художника издеваться над нею и без конца мучить.

Но ответить ему ничего Надя не успела, поскольку услышала вдруг голос своей горничной:

– Надежда Дмитриевна! Барышня! Вы туточки?

Алена звала ее из сада, но, разумеется, скоро та будет здесь, на берегу озера.

«Что ей еще нужно?!» – раздраженно подумала Надя.

Григория Романовича она видеть, разумеется, не желала, но Алену не желала видеть тем более. Если в начале дачного сезона эта девица Наде даже понравилась, то теперь она злила ее неимоверно. Алена не замолкала ни на минуту, донимая ее глупыми разговорами, постоянно прятала куда-то ее книги, вещи и вообще делала все не так, как хотелось бы Наде. Будто назло ей!

Потому она сочла за лучшее поскорее проститься с Рейнером и постараться, чтобы Алена ее не нашла.

– Всего доброго, Григорий Романович, думаю, разговор окончен, – высокомерно заявила Надя, подхватила шлейф платья и спешно направилась вдоль берега.

Рейнер, однако, ей не подчинился, она слышала, как шуршит галька под его ботинками: он шел за ней.

Берег озера представлял собой бухточку, с обеих сторон укрытую скалистым подножием гор. Светлане кто-то сказал, что горы в Карелии просто кишат змеями, а она до смерти их боялась, потому строго настрого запретила и Наде, и всем домашним даже приближаться к камням.

Алена и прочие хозяйку, конечно, слушались, но только не Надя. В доме сестры ей всегда было неуютно – даже в своих комнатах, даже наедине с собой. Все там было против нее! Потому, взяв книгу, она часто уходила сюда, на берег. А иногда и вовсе укрывалась за теми камнями, в облюбованном ею местечке, уютном и поросшем мхом, с великолепнейшим видом на озеро и деревню. Серые, разогретые на солнце валуны надежно защищали ее от ветра и от тех, кто намеревался потревожить Надино одиночество.

Досадно, что об этом местечке теперь знает и Рейнер…

– Надин, вы – сама непосредственность! – хохотал он. – Право, мне в жизни не приходилось прятаться от горничных!

– А я вас не приглашала… впрочем, теперь уже сидите тихо, иначе она нас услышит.

Рейнер, слава богу, замолчал, хотя Надя была уверена, что происходящее до сих пор кажется ему забавным приключением. Надя же, сев на корточки, осторожно выглядывала из-за камня. Алена действительно уже стояла на берегу: щурясь от солнца, она козырьком прикладывала руку ко лбу и оглядывалась.

– Надежда Дмитриевна!.. – крикнула Алена уже менее решительно.

К валунам та ни за что не приблизилась бы. Надя знала, что горничная вообще не любит берег озера – из-за мрачной его уединенности и змей, конечно. А Надя ужиков, что грелись среди камней на солнце, давно привыкла не замечать, потому как вычитала в книгах, что они вовсе не ядовиты, а других змей здесь и не водилось.

– Барышня, вас Светлана Дмитриевна кличут! Вы здесь? – Осмотревшись еще раз, Алена, видимо, решила, что на берегу никого нет, потому зло уперла руки в бока, нахмурилась и прошипела громко и отчетливо: – Вот курица!

– Что она сказала? – тотчас возмутилась Надя. – Вы слышали это, слышали?!

Рейнер над ее ухом неодобрительно хмыкнул:

– Н-да… Надин, вы не думали о том, что вам следует сменить горничную?

Алена уже ушла, крайне недовольная, поэтому Надя могла устроиться на поросшем мхом валуне поудобней. Она расправила юбку на коленях, выпрямила спину и свысока посмотрела на Рейнара, не понимающего очевидных вещей:

– Чтобы Светлана вновь упрекала меня, будто я меняю горничных как перчатки? – сказала она. – Нет уж, я решила, что по крайне мере эту выгонять не буду, что бы она ни сделала. Вот когда Светлана сама застанет ее за кражей столового серебра… вот тогда-то пожалеет, что не поверила мне сразу.

– Горничная крадет ваше серебро? – не поверил Рейнер.

И Надя посчитала нужным уточнить:

– Пока что у нас ничего не пропадало. Но вы же слышали, как она отзывается обо мне? От такой прислуги всего можно ждать.

Недоверие в глазах Рейнера сменилась веселыми искрами, и он опять рассмеялся:

– Надин, вы неподражаемы! Никогда не угадаешь, шутите вы или говорите серьезно.

Судя по всему, последние слова Нади он счел именно шуткой, что весьма ее разозлило. А она только-только обрадовалась, что Григорий Романович поддержал ее мнение о прислуге.

Но, не дожидаясь ответа Нади, Рейнер вдруг сощурился, глядя куда-то на камни, мимо нее:

– Что это? – спросил он.

Надя повернулась и тоже увидела у подола своей юбки аккуратную горку из диковинных камешков. Она таких прежде никогда не видела: темно-серые, почти черные, с синеватым и

зеленоватым отливом. А главное, каждый имел металлический блеск с переливами, который появлялся при повороте камня на свету – золотой и оранжевый.

– Я не знаю… – как завороженная пролепетала в ответ Надя.

– Камень-то называет лабрадор, таких здесь немало в финских землях. Но кто ж их собрал, интересно?

Рейнер же начал разбирать камни, а вскоре и сама Надя догадалась, что так аккуратно их мог сложить только человек. Кто здесь был?..

Когда же Рейнер извлек из-под камней бумажное полотно, сложенное в несколько раз, Надя и вовсе не знала, что думать, и готова была расплакаться от этого непонимания. Она поклясться могла, что еще вчера днем здесь не было ничего подобного!

Григорий Романович тоже мало что понимал, но, разглядывая бумагу, вдруг хмыкнул:

– Взгляните.

«Карта сокровищъ» – было по-русски выведено старательным почерком.

На самодельной карте имелись очертания некого материка, и пунктиром была намечена тропка, венчающаяся большим красным крестом. Пока Надя изучала эту карту и пыталась понять хоть что-то, Рейнер снова прищурился и вдруг сказал:

– Надежда Дмитриевна, позвольте…

Он коснулся ее плеча, настаивая, чтобы она поднялась и отошла. А когда Надя это сделала, то увидела, что прямо за ее спиной на камне была сделана белым мелком надпись:

«Сія земля есть собственность пирата Одноглазого Макса».

– Ка… какого Макса?… – пролепетала Надя, прежде чем сообразила, о каком именно Максе идет речь.

Рядом с нею уже заливался хохотом Рейнер. Совершенно бессовестный человек! Как искренне разыгрывал он удивление, когда увидел камни, хотя, разумеется, отлично знал, что это дело рук его племянника!

«Гадкий, гадкий мальчишка!» – На глазах у Нади от обиды выступили слезы, пока она, до боли царапая ладонь и портя рукав платья, стирала с камня надпись. Он добрался уже и до этого закутка, даже здесь ей теперь не будет покоя! Еще и имел наглость заявить, что это место – его!

Худо-бедно оттерев надпись, Надя без сожаления побросала те красивые камни в озеро, а Рейнер все продолжал хохотать – от смеха он раскраснелся лицом и выглядел совершенно неприлично.

Надя теперь поднялась в полный рост и, глядя на него с презрением, как можно холоднее сказала:

– Григорий Романович, мне кажется, вы забываетесь.

– Простите, Надин, ни в коей мере не хотел вас обидеть! И клянусь, что я не знал о проделке Максима – я в первый раз это все увидел… – Он пытался справиться со смехом, но не очень получалось.

Надя, разумеется, ни единому слову его не верила.

– Вы, должно быть, к сестре? – еще холоднее осведомилась она, всем сердцем надеясь, что теперь он, наконец, уйдет и оставит ее в покое. – По какому-то конкретному делу? В этом случае вам совершенно необязательно было тайком подкрадываться ко мне и пугать. Я пожалуюсь на вас Светлане, так и знайте.

– Уверяю вас, у меня и в мыслях не было к вам подкрадываться, – оправдывался Рейнер, не приняв, разумеется, ее угрозы всерьез, – я лишь увидел издали, что вы беседуете с двумя господами… они ведь не из Горок? Я беспокоился о вас, Надин.

Упоминание полицейских кольнуло Надю, разом вернув ее в реальность, где воровство яблок соседским мальчишкой и ссоры с этим глупцом Рейнером далеко не самые большие из бед.

– Это полицейские, – растеряв остаток сил, ответила она, – вы, возможно, еще не знаете, но вчера вечером к нам приехал Павел Владимирович, супруг Светланы, а ночью… ночью его кто-то застрелил из револьвера. Убил.

Надя смотрела в землю и не видела выражения лица Рейнера. Но когда все же подняла глаза, оказалось, что он глядит на нее недоверчиво, все еще продолжая кривовато улыбаться.

– Это правда? Вы не шутите, Надин?

Она даже ответить не смогла, вновь опустила глаза и лишь мотнула головой. И почувствовала, как к глазам вновь подступают слезы – кажется, более-менее спокойной их жизни вовсе пришел конец. Что будет с ними со всеми дальше Надя и не представляла.

Глава 7

Обычно Грегор старался задержаться на том берегу озера подольше – ему и впрямь доставляло удовольствие общество Надин Шелиховой. Однако весть о смерти графа взбудоражила его настолько, что он не помнил толком, как попрощался с Наденькой. И даже едва не забыл, что нужно зайти в дом – выразить соболезнования Светлане Дмитриевне и предложить помощь. Графиня держалась неплохо. Впрочем, это не удивило Грегора – все знали, что отношения между супругами были неважные, потому, должно быть, она не слишком горевала.

Жаль беднягу Раскатова… кажется, тот ведь и не стар еще был. А подсчитав его года, Грегор сделался еще мрачнее, поскольку осознал вдруг, что Раскатов был ему почти ровесником. Он и раньше понимал, что жизнь – штука непредсказуемая, но отчего-то не думал, что настолько. Что, не спросясь о его планах, она может просто оборваться в любой миг. Да еще и убийством…

Приступы сплина Грегор всегда гнал от себя как мог, да никогда бы и не признал вслух, что временами они одолевают его. Как сейчас. Это творческим натурам, вроде его брата, не стыдно признаться в подобном, а Грегора все привыкли видеть веселым и бесшабашным – таковым ему и следует оставаться. Потому он совершенно не спешил возвращаться домой, надеясь, что безрадостные мысли вот-вот отступят. Однако не помогло. Входя в ворота, он как раз размышлял о том, что Раскатов хотя бы успел жениться, и, судя по слухам, даже обзавестись детьми. У Грегора же не было никого.

Лишь когда он привычно обернулся, окидывая взглядом озеро и противоположный берег со скамейкой, то на душе его несколько потеплело. Наденька… она и впрямь необыкновенная девушка.

Грегор легко вбежал по ступенькам и потянул на себя дверь.

Дом, что снимал на лето брат, был очень небольшим: с двумя тесными спальнями, летней кухней в виде пристройки и крохотной гостиной – всякий входящий тотчас оказывался в этой гостиной. Однако Грегор был совершенно не готов к тому, что, захлопнув за собою дверь, оказался нос к носу с двумя не представленными ему мужчинами. Теми самыми, которые пару часов назад разговаривали с Надин.

– Господа Кошкин и Девятов, – запоздало оповестила горничная и подала ему визитные карточки полицейских.

Сами же сыщики живо поднялись при его появлении – тот, что повыше ростом, светловолосый, учтиво поклонился; тот, что пониже и темноволосый, небрежно кивнул.

– Григорий Романович Рейнер, – поздоровался в свою очередь Грегор и, кляня про себя брата-Николая, что того опять нет дома, на правах хозяина предложил им сесть. – Чем обязан вашему визиту, господа?

Переведя взгляд с одного сыщика на другого, Грегор остановился все же на светловолосом, Кошкине. Тот, будто желая казаться незаметным, молча сидел в углу дивана, но Грегор все равно знал, что именно он в этой паре старший. Нет, никаких догадок, внезапных озарений и далеко идущих выводов из незначительных деталей: Грегор лишь прочел на визитке Кошкина, что тот был Чиновником по особым поручениям при Канцелярии обер-полицмейстера Санкт-Петербурга с кабинетом в Департаменте полиции на Фонтанке, 16, и имел чин Титулярного советника. В то время как Девятов значился полицейским надзирателем в сыскном отделении того же Петербурга и был, очевидно, в подчинении у Кошкина.

– Случилась, знаете ли, неприятность у ваших соседей, – вздохнул Девятов, пытаясь выглядеть расстроенным. И тут же уточнил: – Вы, должно быть, еще не слышали?

Кошкин молча и проницательно глядел из своего угла. Грегору под этим чудовищно тяжелым взглядом стало неуютно, и он вполне осознавал сейчас, что делать вид, будто не слышал о графе, бесполезно.

– Я знаю, что графа Раскатова убили этой ночью, – нервно ослабив галстук, ответил он, обращаясь именно к Кошкину. – Я виделся сегодня с Надеждой Дмитриевной, сестрой графини.

– Вот как? – не скрыл изумления Девятов. – Вы большие друзья с Надеждой Дмитриевной, стало быть?

– Мы соседи, – Грегор невольно улыбнулся, заговорив о Наденьке, – разумеется, мы дружим.

Кошкин буравил его взглядом и в разговор все еще не вступал.

– В таком случае вы и с Павлом Владимировичем дружили, наверное? – допытывался Девятов.

– Нет. Не слышал, чтобы Павел Владимирович бывал когда-либо в Горках. Хотя в Петербурге мы несколько раз встречались у общих знакомых… но это было много лет назад. Последние годы, насколько я знаю, граф жил затворником в своем поместье под Новгородом.

Девятов оглянулся на Кошкина, будто прося совета, но, так и не получив его, сделал неутешительный вывод:

– Значит, и вчера вы с Раскатовым не виделись?

– Я вовсе не знал о его приезде, – покачал головою Грегор.

– Быть может, вы хотя бы видели или слышали что-то подозрительное этой ночью? Дом Раскатовых не так далеко, вы вполне могли что-то заметить.

– Нет, думаю, ничего, что можно назвать подозрительным, я не слышал.

Грегор, осознавая ответственность, действительно старался припомнить все, что произошло накануне, и, опуская незначительные детали, подробно описал события сыщикам.

Вчерашним днем его брат пропадал с мольбертом и красками где-то в лесу – как, впрочем, и в большинство других дней. Ольга, жена Николая, тоже отсутствовала, но где именно, он толком не знал: может, ездила в церковь, может, в город. А может, по обыкновению возилась в саду со своими цветами. Ольга была маленькой, тихой и незаметной, как тень, удивительно дело, но Грегор никогда не мог с точностью сказать, где эта женщина в данный момент находится и чем занимается.

Сам Грегор с утра совершил привычную прогулку по окрестностям. Конечно, не обошелся без того, чтобы заглянуть на противоположный берег озера и не побеседовать с Наденькой. Потом помогал Максимке, своему племяннику, в их извечной войне против monsieur Жуппе, его гувернера. Тот опять за что-то наказал Максимку и запретил ему выходить на улицу в такой чудесный летний день. Мерзкий французишка. Чему он может научить парня? Душиться и пудрить физиономию? Мерзость какая… Уж не говоря о том, что иностранцам с подобной фамилией вовсе следует запретить въезд – это же неприлично, он ведь и дамам так представляется!

Удрав ото всех, они с Максимкой катались в лодке, плавали, загорали и играли в леток6[6]. А потом Грегору доложили, что ему пришло письмо – один его товарищ по университету женился, и Грегору вздумалось сочинить поздравление в виде стишка. Над этим стишком он и сидел, пока не позвали ужинать. А спать в Горках обычно ложились рано, как только пряталось за горизонтом солнце.

Спален в доме имелось только две, так что стелили Грегору в кабинете, совмещенном с библиотекой. Жуппе ночью вроде бы никуда не отлучался… хотя Грегор спал всегда очень крепко и поручиться за это не мог. Нет, конечно, это бред, что Жуппе ночью покинул дом,

[6] Игра наподобие бадминтона (прим.)

переплыл озеро и застрелил графа Раскатова… просто единственный, кого Грегор мог представить в роли убийцы, был лишь мерзкий француз.

– Должно быть, я ничем вам не помог, господа, – развел он руками, когда закончил рассказ, – но вчерашний день действительно ничем не отличался от сотни других.

Девятов вновь тайком глянул на начальника. Грегор уж думал, что тот вновь смолчит, но Кошкин неожиданно заговорил, меняя отчего-то тему:

– Григорий Романович, вам не доводилось слышать, что у графини кое-кто гостит?

– Князь Боровской? – тотчас вырвалось у него.

Впрочем, заметив переглядывание сыщиков, он понял, что попал в точку. Леон – глупец! Вляпался-таки в историю! С полминуты еще Грегор осыпал приятеля отборнейшими ругательствами. Впрочем, «приятели» – это о них слишком громко сказано.

– Мы познакомились с молодым князем Боровским года два назад, в Европе, – неохотно заговорил Грегор, поняв, что теперь надо выкладывать и остальное. – Он учился там, а я путешествовал. По его возвращению в Петербург, мы знакомство продолжили, тем более что ужинаем в одном и том же клубе и, разумеется, имеем уйму общих приятелей – так что, можно сказать, дружим…

В Петербурге, зимою, когда Грегор едва-едва познакомился с Наденькой, на одном из приемов он сам представил Леона своим соседкам по даче. Интерес у Леона к сестрам возник сразу: тот стал оказывать им всяческие знаки внимания, а вскоре принялся навещать с завидной частотой. Сперва Грегор решил, что увлекла его друга именно Наденька, девица на выданье, и, признаться, в то время не мог взять в толк, что он нашел в ней. В бальный сезон Надя была зауряднейшей из дебютанток, совершенно неинтересной на фоне сестры. Поэтому, когда стало очевидно, что Леон увлечен именно Светланой – все встало на свои места.

Разумеется, ничего этого вслух Грегор не сказал, признав лишь, что познакомил сестер с князем, который после всю зиму навещал их дом в Петербурге.

Но этот Кошкин… он будто читал его мысли.

– Стало быть, графиня охотно поддерживала эту дружбу? – пытливо спросил он.

– Пожалуй, да, поддерживала, – согласился Грегор. – Боровские – это знатная и почтенная семья, и сам Леон исключительно благородный молодой человек. Так что, почему бы и нет… впрочем, подробности мне не известны.

Относительно благородства Леона он сильно лукавил, потому как о попойках с офицерами, кутежах с актрисами и прочих скандальных выходках, которые всю зиму творил молодой князь, знал, кажется, весь Петербург. Но подробностями его отношений со Светланой Грегор и впрямь никогда не интересовался. Лишь иногда до него доходили слухи – грязные и не красящие ни Светлану, ни Леона.

К концу зимы ухаживания за ней Леона были уже столь явными, что репутация графини – и так, увы, небезупречная – трещала теперь по швам. Потому, должно быть, еще в марте, когда только-только сошли морозы, она с сестрой так поспешно уехала в Горки.

Хотя бы на это у Светланы хватило благоразумия, а вот Леон… ему вовсе неведомо чувство меры. И то, какие разговоры ходят о графине в свете, в связи с его ухаживаниями, его тоже ничуть не волновало. Грегор и раньше допускал, что с Леона станется явиться в Горки. Поэтому, когда дня три назад Николай поделился за ужином, что видел в поселке незнакомую господскую коляску – первый, о ком подумал Грегор, был именно Леон.

– Выходит, о том, что князь Боровской гостит в Горках, вы все же знали, – сделал вывод Кошкин даже после того, как Грегор раз пять акцентировал внимание, что лишь предполагал присутствие в Горках Леона.

– Скорее, догадывался… – поправил он.

– Вы ведь часто бываете у Раскатовых, – не отставал Кошкин, – так неужели все три дня не видели у них князя?

– Нет, – твердо ответил Грегор.

Не объяснять же ему, что в дом и даже за калитку к Раскатовым, он заходил крайне редко, обычно лишь разговаривал с Наденькой на берегу озера.

Но Кошкин ему, кажется, не верил. Хотя вслух неожиданно согласился и даже улыбнулся:

– Хорошо. Последняя просьба, Григорий Романович: мы бы хотели осмотреть причал и вашу лодку. Можем мы это сделать?

– Разумеется… я сам вас провожу.

Грегор пригласил, было, покинуть дом через парадные двери, однако Кошкин, вдруг остановил его:

– Позвольте, но через веранду разве не ближе?

И снова улыбнулся. Кошкин, наверное, считал, что эту улыбку можно назвать дружелюбной.

Через веранду на причал, разумеется, можно было попасть скорее, но для этого сыщиков пришлось бы провести через коридор, соединяющий лестницу на второй этаж, гостиную и эту самую веранду. Вероятно, этого Кошкин и добивался: хотел осмотреть дом. Отказать Грегор не смог.

Впрочем, он не сделал и двух шагов в коридор, как замешкался. Здесь имелся ряд служебных помещений, и дверь одной из коморок оказалась раскрытой. Тут уж Грегор сам невольно подогрел их интерес: излишне взволнованно он метнулся к той двери и попытался ее запереть.

– Вы позволите? Мы можем осмотреть? – заинтересовался, конечно же, Кошкин.

– Это мастерская… там лишь краски и кисти. Уверяю вас, ничего интересного вы не найдете.

– И все же, вы позволите? – еще настойчивее спросил Кошкин.

И снова Грегор не сумел отказать.

Вообще-то мастерская бывала заперта лишь, когда там работал Николай. Грегор и сам не мог понять, что его взволновало в этот раз, ведь там и впрямь не могло быть ничего интересного. Пропустив вперед сыщиков, он принялся убирать портьеру от огромного во всю стену окна, чтобы осветить крохотное помещение.

Первым, что бросилось здесь ему в глаза – мольберт с растянутой на нем холстиной и подсыхающей уже масляной краской.

– Мой брат художник, – пояснил Грегор, смущенно, – вы и сами знаете, наверное…

Это был портрет. Полностью законченный, в котором свободно узнавалась их соседка-графиня, в углу имелась даже подпись «Светлана Раскатова», где буква «С» выполнена в виде мудреного вензеля – все в манере Николая.

От него не укрылось, что оба сыщика, даже невозмутимый прежде Кошкин, забыли, казалось, зачем пришли – любовались портретом. А Грегор в очередной раз подумал, что графиня Раскатова все же необыкновенно хороша собой.

– Да… и теперь я вижу, что Николай Романович действительно великий художник, – нашелся, что ответить Девятов. – Светлана Дмитриевна вышла здесь лучше, чем в жизни.

– Скажете тоже… – хмыкнул Грегор, – портрет неплох, но до оригинала ему далеко. – И быстро добавил: – При всем моем уважении к мастерству Николая Романовича, разумеется.

С этими словами Грегор шире раскрыл дверь, приглашая сыщиков выйти. И не смог удержаться от насмешливого тона:

– Как видите, господа, Леон здесь не прячется. И револьвера, из которого застрелили беднягу Раскатова, тоже нет.

– А отчего вы решили, что граф был именно застрелен? – живо удивился Девятов. – Разве Надежда Дмитриевна сказала вам и это?

И Кошкин, который прежде чем выйти, бросил еще один взгляд на портрет, тотчас обернулся к ним.

«Вот так преступники и выдают себя… попался, Григорий Романович» – усмехнулся Грегор про себя.

– Должно быть, и правда Надежда Дмитриевна сказала… – ответил он им неловко.

Слава богу, все трое уже подошли к причалу, и Грегор смог уйти от щекотливого вопроса.

«А они ведь действительно вполне могут теперь подозревать меня в убийстве, – понял он. – И уж Леона-то точно подозревают».

Грегор подумал, что это и впрямь мог бы сделать его друг… Леон горяч и совершенно безрассуден. У него хватило бы ума затеять «дуэль» с Раскатовым прямо в доме Светланы. И, наверняка, не хватило бы храбрости нести за свой поступок ответственность. Леон обязательно сбежал бы, ежели и правда это он убил Раскатова.

Разумнее всего Леону было бы покинуть Горки в той же коляске, в которой он явился сюда, но, раз сыщики заинтересовались лодкой, верно считают, что убийца ушел озером… Но это невозможно! Вчера, после того, как они с Максимкой наплавались вдоволь, он сам привязал лодку к причалу!

Пока Грегор размышлял об этом, сыщики, спрыгнув в лодку, лазили по ее днищу с увеличительным стеклом.

– Синие шерстяные нитки… – Услышал он от Девятова: тот что-то нашел и показывал теперь начальнику.

Но Грегор мало их слушал. Он уже бросил взгляд на узел, которым была привязано лодка. И ему мигом сделалось жарко: плохо понимая, что делает, Грегор окончательно сорвал галстук с шеи. Лодка была привязана вовсе не его крепким морским узлом. Кто-то – чужой – и впрямь пользовался ею ночью.

Глава 8

Сыщики, повозившись с лодкой еще минут тридцать, наконец, ушли. Грегор не посмел утаить от них, что лодкой кто-то пользовался после него… в самом деле, может, это всего лишь Николай с утра пораньше уже плавал куда-то? Может, и не нужно паниковать?

Что любопытно, Кошкин и сам допустил эту версию, о чем сказал вслух, а не бросился тотчас обыскивать дом в поисках Леона.

Грегор, щурясь уже шедшему на закат солнцу, глядел как двое сыщиков выходят за ворота, когда неожиданно его окликнули с вопросом:

– Кто это был?

Он обернулся, не ожидая, что рядом находится еще кто-то.

Это оказалась Ольга – она даже двигалась неслышно. Тень, как есть тень! Должно быть, Ольга возилась в теплице, потому они ее не видели – зато она, нужно думать, видела все превосходно.

– Полиция. Сыскное отделение, – ответил ей Грегор. – Мужа Раскатовой застрелили в ее доме.

– У нас, в Горках? – Все удивление Ольги выражалось в том, что она чуть-чуть приподняла бровь. Она даже интонации не сменила, лишь отвела взгляд и, судя по всему, задумалась. А потом выдала: – Это, конечно же, Светлана Дмитриевна сделала. Право, другого от этой женщины ожидать не следует. А от нас-то они что хотели?

Грегор поморщился, слушая это; он и раньше знал, что Ольга недолюбливала Светлану и всячески порицала ее за образ жизни. Но как можно делать такие заявления?

– Это тебе все уже ясно, дорогая сестра, а сыщики лишь разбираются, что произошло, – упрекнул он.

Обычно «брат» с «сестрой» обменивались еще парочкой полусерьезных колкостей, прежде чем разойтись, но в этот раз Ольга будто этих колкостей и не расслышала. Она вдруг спросила с беспокойством:

– Ты видел сегодня Николая Романовича?

Мужа своего Ольга даже спустя десять лет брака упорно величала на «вы» и Николаем Романовичем – только так. Она боготворила его, считала гением кисти, и Грегор не исключал, что молится она не на иконы, а на его фотокарточку. Для Грегора подобное трепетное отношение было поводом для бесконечных подколов «любезной сестрицы». Он и в этот раз не сдержался:

– Николай Романыч ни свет ни заря отправились en plein air[7]. Он ведь понимает, что гениям нельзя много спать – им должно каждую свободную минуту посвящать творчеству. Так что, вероятно, сидит где-нибудь в болоте, искусанный комарами, и поджидает… – он изобразил мечтательный взгляд, – когда косые лучи заходящего солнца позолотят верхушки вековых елок.

– Здесь повсюду сосны, а не ели, – мрачно напомнила Ольга.

– Хорошо «…верхушки вековых сосен», – не менее возвышенно продолжил Грегор, – так даже поэтичнее, ты не находишь?

Ольга покачала головой и вздохнула устало:

– Мне иногда кажется, что у меня не один ребенок, а двое – причем старший куда более несносный.

– Я обещаю исправиться, матушка, – паясничая, Грегор повинно склонил голову перед «матушкой», которая была моложе его на несколько лет.

---

[7] На открытом воздухе (фр.)

* * *

Расстались брат с сестрой как обычно не слишком довольные друг другом: Ольга ушла разыскивать своего гения-мужа, а Грегор отправился на поиски Максима: дело в том, что у него возникла одна догадка…

«А места здесь и впрямь красивые», – в который раз убедился Грегор, окидывая взглядом панораму леса на горизонте.

Николай, когда впервые побывал в Карелии, твердо заявил, что на лето они будут выезжать сюда и только сюда. Ольге, помнится, не очень-то понравилась эта идея, но она как обычно смирилась с капризами мужа, и вот уже третий год, едва сходит снег, Николай с женой и сыном спешил в Горки и вознамерился, кажется, запечатлеть здесь каждый аршин леса.

Грегор на лето обычно присоединялся к ним – первый год неохотно, скорее подчиняясь властному старшему брату, а потом он и сам настолько привязался к подросшему племяннику и полюбил их совместные мальчишеские проказы, что и помыслить не мог об отдыхе отдельном от него. Но прочие месяцы, кроме летних, Грегор мало виделся с семьей брата – слишком разнились их интересы. Он нанимал удобную и недорогую квартиру на Гороховой улице, прошлую зиму почти целиком провел в Москве у университетского приятеля, а несколько предыдущих и вовсе путешествовал по Европе.

С неудовольствием Грегор признавал, что образ жизни, который он вел, можно назвать праздным. Он не числился на службе ни в одном ведомстве, хоть и имел диплом юриста за душой, и военная карьера никогда его не привлекала – а жил Грегор в основном на средства, доставшиеся ему от почивших родителей.

Наверное, Грегор и впрямь ведет себя как мальчишка – Ольга женщина умная, зря говорить не станет. Для него ведь и по сей день самой большой радостью было узнать об этом мире что-то новое, неизвестное для себя. И эти ежедневные пешие прогулки по окрестностям – Грегор совершал их не для поддержания физического здоровья, как думает Николай; и не для того, чтобы побыть наедине со своими мыслями, как думает Ольга. Один только Максимка и мог понять истинное положение вещей: Грегору было интересно, что он увидит там – за тем поворотом, за тем камнем, за той деревней… и мир не уставал удивлять его.

Обычно для них с Максимом и дня не проходило, чтобы они не совершили какое-нибудь грандиозное открытие – то находили невиданные прежде поделочные камни, надежно укрытые в горных породах, то костяные наконечники стрел, то осколки диковинной посуды, принадлежащие явно далеким предкам тех аборигенов, что проживали здесь сейчас.

Населен этот район был по большей части финнами – именно их и нанимали в обслугу господа, останавливающиеся в Горках. А уж сколько легенд, баек и сказок поведало это «коренное население» – не счесть! О Ладожском озере, невдалеке от которого находились Горки, о злобных морских духах и леших, что водились возле него по сей день. О загадочных метелиляйненах – великанах, населявших эти земли задолго до того, как сюда пришли финны и карелы. Об атлантах, что обитали в Карелии еще до метелиляйненов и даже оставили следы в виде таинственных сейдов – валунов, огромных по размеру, но, тем не менее, сложенных друг на друга в крайне неустойчивую конструкцию. Сейдов в Карелии и впрямь было множество – особенно на севере, близь Белого моря. Даже Грегору удалось увидеть один, отчего он до сих пор пребывал в большом впечатлении.

Максима же более всего заинтересовала легенда о капитане Сигварде и его призрачном корабле «Три шестерки», что и сейчас, говорят, бороздит Ладожское озеро, и о его несметных сокровищах, что спрятаны злобным капитаном в его водах. Слава богу, что до Ладожского озера несколько часов езды, не то Максимка перекопал бы его берег вдоль и поперек…

Зато была еще одна легенда, совсем уж сказочная, которая гласит, что в одном из многочисленных озер Карелии – неизвестно в каком именно – обитает ужасное чудовище. Огромных размеров, с длинной шеей и блестящей на солнце чешуей. Как водится, прислуга в Горках

клялась и божилась, что чудовище живет именно в озере, что разделяет дачи Николая и графини Раскатовой, а потому Максимка часами иногда просиживал на берегу в надежде его увидеть. И после заката тоже, прячась от своего гувернера, он любил посидеть у озера: дворовые угощали его морошкой, ароматной ухой из форели и снабжали заодно все новыми и новыми порциями баек.

А озеро это местные и впрямь недолюбливали и старались обходить стороною, потому как даже рыба здесь не водится – хотя во всей Карелии ох как сложно отыскать водоем, где не было бы рыбы. И, хоть на картах это озеро никак не обозначено, но финское население меж собой называет его Перкелинъярви, что переводится, между прочим, как «Чёртово озеро».

* * *

Всякое совместное лето у Рейнеров начиналось с того, что старший брат пенял младшему, что пора, мол, остепеняться: обзаводиться семьей, домом и браться, наконец, за дело. Под «делом» Николай имел в виду серьезные занятия художественным искусством, поскольку считал, что у Грегора есть к этому способности. И то, что Грегор не желал «заниматься делом», было для Николая, что ножом по сердцу.

– Остепениться… – задумчиво произнес Грегор любимое словечко своего брата.

А потом осмотрелся – оказывается, он сам не заметил, как ноги привели его на другой берег озера, к даче Раскатовой. Уголок этот, укрытый от всего внешнего мира, был столь тихим и умиротворенным, что Грегор охотно понимал, отчего Надя так любит это место. Правда, самой Наденьки здесь теперь не было – лишь ее книга, забытая на скамейке. Грегор, не удержавшись, подошел и прочел название:

«Джон Уильям Полидори «Вампир8[8]».

Хмыкнув, он положил книгу обратно. Отчего-то Грегор не думал прежде, что Наденьке нравится подобная литература и герои вроде байроновского Чайльд-Гарольда9[9]– сам-то он подобных героев и их метания считал смешными и глупыми… но быстро приободрился, решив, что, если Надя вот бросила этого «Вампира» на скамейке, то тоже считает книгу смешной и глупой.

И вспомнил отчего-то, что приятель его, Леон, как раз любил на досуге изображать из себя Чайльд-Гарольда. Особенно при дамах.

– Остепениться… – снова повторил Грегор в задумчивости.

На доводы брата он обычно отшучивался, заявляя, что еще недостаточно зрел для женитьбы. Грегор и в самом деле не понимал, как можно, будучи в здравом уме, выбрать из тысячи женщин всего одну и оставаться верным ей до гробовой доски – а то, что супруге своей (ежели таковая когда-нибудь появится) Грегор будет верен, было для него само собою разумеющимся.

Однако именно несчастье, приключившееся в семье Раскатовых этой ночью, заставило его взглянуть на слова брата куда серьезней. Жизнь коротка, а на что он тратит ее? Грегор еще раз посмотрел на «Вампира» и неожиданно для самого себя вдруг дал зарок: ежели до конца лета его отношение к Надин Шелиховой не переменится… то он пойдет на решительные меры.

До конца лета, меж тем, оставалось десять дней.

---

[8] Английский писатель и личный врач лорда Байрона, под влиянием произведений которого и была написана повесть «Вампир» – первое на тот момент произведение о вампирах. Повесть опубликована в 1819 г. (прим.)

[9] Главный герой поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», написанной между 1812-1818 гг. Стал первым воплощение т.н. «Байроновского героя» – крайне популярного на протяжении всего XIX века типажа в литературе. Типаж раскрывает образ пресыщенного молодого человека, который разочаровался в жизни, полной удовольствий и веселья. Чайльд-Гарольд прекрасно образован, таинствен, загадочен, мрачен, а также пользуется популярностью у женщин. Склонен к меланхолии и биполярным стремлениям (прим.)

Едва же Грегор остановился на последней своей мысли, словно в ответ на нее, из-за валуна, облюбованного Наденькой, послышался легких шорох прибрежной гальки. Грегор тотчас направился туда, уже предвкушая очередную премилую беседу…

Однако вместо Нади он увидел здесь своего племянника. Хмурый, сосредоточенный, с упрямым выражением лица Максим вынимал из корыта целые охапки жгучей крапивы и толстым слоем раскладывал ее на Надин валун и подле него… Руки его предусмотрительно были одеты в плотные садовые рукавицы, украденные у матушки, должно быть.

– Что ты творишь! – вскричал Грегор и принялся смахивать крапиву с камней. – Убери все немедленно! Она ведь обожжется!

Он почти физически ощущал, как больно будет Наде, когда она своими нежными шелковистыми ладошками станет убирать эту крапиву с камня – а убирать ей придется, иначе она здесь не устроится, Максим верно все рассчитал.

– Ну и пусть! – тот еще более насупился. – Она мою карту изорвала и камни выбросила куда-то – а я их на целую бескозырку выменял, которую мне с Черного моря привезли.

С камнями и самодельной картой Надя действительно погорячилась: Грегор вспомнил, как они с племянником рисовали эту карту, выверяя с точностью до шага все ориентиры, как Максимка вымачивал ее в чайном растворе, чтобы состарить бумагу, а потом сушил на бельевой веревке… Должно быть, Наденька была задета куда больше, чем он думал, потому так поступила – не из жестокости, а в порыве.

А Максим продолжал, зло хмурясь:

– Никогда ей этого не прощу! Объявляю войну Надьке Шелиховой!

– Она тебе не Надька, а Надежда Дмитриевна! – строго оборвал он племянника. – А выбросила она твои камни, потому что ты без спросу сюда залез. Это Раскатовых участок, пойми, ты сюда разве что в гости прийти можешь… – закончил Грегор уже миролюбивее, пытаясь достучаться до мальчика.

Но тот хитро прищурился и заявил:

– А вот и не их это участок: их – только до забора. Я в документах батюшкиных читал, что все за забором уже общее! Значит, кто первый занял, тот и хозяин!

– Так она же первая заняла, – Грегор потер висок, потому что у него начала болеть голова.

– А никто не докажет! – высокомерно задрал нос мальчишка и сложил на груди руки. – Это я первый на камне написал, что земля – моя.

Грегор не нашелся, что на это ответить. Самое забавное, что формально мальчишка действительно был прав. И вспомнил слова Ольги, которая утверждала, что он дает мальчику слишком много свободы: действительно, в свои восемь лет Грегор и помыслить не мог сделать то, что вытворяет сейчас его племянник. Хотя гувернеры все равно считали его шалуном.

Со вздохом присаживаясь на валун, Грегор лишь сказал удрученно:

– Но она же девушка – уступи. Валунов тебе мало, что ли?

Максим еще более насупился, однако вскоре оставил свое занятие и молча сел на корточки рядом с дядей. Некоторое время они молча сидели так – очень по-взрослому. Глядя на озеро и думая каждый о своем. По лицу Максимки было видно, что он все еще очень зол на Надю, но борется с этим чувством. Грегору никогда в голову не приходило разговаривать с мальчиком о чести, благородстве, мужском поведении – у них полно было и других, более интересных тем для бесед. Разве что своим собственным поведением и вскользь оброненными фразами он мог подавать пример. И сейчас Грегор был необыкновенно горд тем, что его маленький племянник все же сумел вычленить и усвоить необходимое, чтобы теперь поступить правильно. Словно это достижение было его собственным.

Однако вскоре Грегор подумал: не перехвалил ли он племянника? Потому как тот вдруг посмотрел на него хитро и, прищурившись, спросил:

– А чего это ты, дядюшка Грегор, ее защищаешь?

Смотрел он столь красноречиво, что Грегор неожиданно вспыхнул, словно его застали врасплох. Сбивчиво и излишне пафосно начал рассказывать что-то о дворянской чести и о том, что, будь на месте Нади другая дама, он бы защищал ее точно так же.

Но племянник его был слишком догадлив и слишком хорошо знал своего дядюшку – он продолжал посмеиваться, поняв, разумеется, все.

А Грегор подумал еще, что Ольга, должно быть, ощущает себя так же, когда он, подобно Максимке, посмеивается над ее чувствами. И, решив быть строгим, поднялся во весь рост, нависнув над Максимкой:

– Да с какой стати я вообще должен перед тобою оправдываться?! Разговор окончен! Убери тут все немедленно, ясно тебе? – И, чуть смягчившись, добавил: – Если уберешь крапиву, я покажу, куда Надежда Дмитриевна выбросила твои камни.

Надя побросала их в озеро, стоя на этом самом месте у валуна, и Грегор хорошо помнил, что они плюхнулись в воду шагах в двух от берега, не дальше. Озеро мелкое, камни крупные и заметные – найти их можно, ежели постараться.

В глазах же Максима мелькнул интерес – похоже, он и не чаял уже, отыскать свои сокровища, потому тотчас принялся собирать крапиву обратно.

* * *

Уже почти что стемнело, но Грегор – раз пообещал племяннику найти камни – закатав брюки, все еще стоял по колено в теплой воде озера и высматривал эти диковинные радужные камни. Благо еще, что их хорошо было видно: вода совершенно прозрачная, и камни резко выделялись среди серой гальки своими переливами. Они уже отыскали много, но Максим заявил, что не хватает еще трех, а собрать он намерен все до последнего. И все порывался зайти дальше, чтобы обогнуть скалу, утопающую своим подножием в озере, и поглядеть, не попали ли какие из камней в ту часть вод – там тоже был берег, только гораздо менее ухоженный и заросший камышами.

И в один из моментов, когда Грегор отвлекся, Максим все же это сделал.

Только отчего-то очень быстро вернулся – серьезный, встревоженный и без камней.

– Что там? – без тени беспокойства спросил Грегор. Он устал за день и уже хотел отдохнуть.

– Ничего, – мотнул головой мальчик, но был он задумчив и, вдруг решившись, спросил: – дядя Грегор, пойдем вместе посмотрим – там, на берегу за скалой лежит что-то…

– А один боишься идти? – хмыкнул он. – Свое морское чудовище увидел, никак?

Но Грегор все же закатал брюки еще выше и начал пробираться за выступ скалы. Ему и самому было интересно, что нашел племянник. Может, рыбу какую выбросило на берег?

Но нет, это оказалась не рыба.

Глава 9

Солнце опустилось за горизонт, и небо над Горками неспешно меняло свою расцветку с нежно-сиреневого до насыщенного лилового. Еще в начале лета Светлана приказала вынести два кресла на веранду с западной стороны дома, думая, что вечерами они с Надюшей будут сидеть здесь, любоваться закатом и беседовать о разных глупостях, как обычно это делают сестры. Наивно и смешно. Рядом со Светланой Надя присаживалась разве что во время трапезы, да и то, если соглашалась спуститься в столовую.

Вероятно, Светлана сама была виновата, что упустила в какой-то момент сестру. Быть может, еще тогда, в детстве, когда маленькая Надюша упрашивала поиграть с нею, а она, семнадцатилетняя ветреная девица, совала ей в руки книжку и убегала к друзьям. Все-таки одиннадцать лет разницы между сестрами это слишком много.

Так что теперь любоваться закатами приходилось в обществе сигареты. Светлана аккуратно стряхнула пепел и вновь затянулась терпким дымом.

…В те годы лето сестры Шелиховы проводили здесь же, в Карелии. Горки были тогда большим и богатым поместьем, принадлежащим господам Халиным, родителям Алины. Матери, ее и Алины, были закадычными подругами, оттого, должно быть, Халины так охотно принимали их на все лето. С Алиной Светлана дружила, сколько себя помнила: все детство и юность они провели вместе, делились друг с дружкой тайнами и самыми смелыми мыслями. Потому в каком-то смысле Алина была ей ближе, чем сестра.

А Серж Гриневский приходился Алине троюродным, кажется, братом и с самого детства его точно так же отправляли к Халиным – загорать и отдыхать после месяцев учебы. Когда им всем было по тринадцать лет, Серж по-детски искренне признался Светлане в любви и заявил, что, когда они вырастет, он на ней женится. Польщенная – никто из подруг не мог похвастаться подобным – Светлана, разумеется, тотчас согласилась стать его невестой.

У родителей Сержа и Алины, правда, было по этому поводу другое мнение. Но в свои юные годы Светлана этого не понимала и безрассудно бегала целоваться с Сержем в укромном уголке сада. Разумеется, подобное времяпрепровождение было для Светланы куда более интересным, чем игра в куклы с младшей сестрой.

Из сладких воспоминаний Светлану выдернул едва слышный скрип калитки. Она тотчас обеспокоенно спросила:

– Кто тут?

Было совсем темно, и нежданного гостя, спешащего к ней по тропинке, Светлана разглядеть не могла. Только охватило неприятное волнение при мысли, что это Серж. Он навещал ее, входя обычно через эту калитку, но сейчас Светлана его видеть не хотела – до отвращения не хотела.

– Это я, ma chere. – С облегчением Светлана узнала голос Алины, а вскоре и увидела ее лицо, появившееся из тени. Пышные огненно-рыжие волосы были убраны под шляпку, а сама она уже успела облачиться в траурный наряд. – Не помешала?

– Что ты! Разумеется, нет, садись, – Светлана указала ей на второе, кресло, куда Алина, не заставляя себя ждать, опустилась.

Светлана действительно была рада ей: сейчас она как никогда нуждалась в участии, и никто, кроме Алины, похоже, не мог ей этого участия дать. К тому же Светлана бесконечно преклонялась перед умом Алины, по-мужски острым. Как же все-таки хорошо, что она у нее есть.

Но подруги сидели в молчании: Светлана курила, а Алина, должно быть уставшая за день, наслаждалась тишиной и уютом в плетеном кресле. Им не было необходимости заполнять паузы словами.

Только минуты через три Алина повернулась к подруге, еще немного помолчала и спросила:

– Вижу, снова ты с сигаретой?

– Сегодня можно.

– От этого цвет лица, я слышала, портится.

Но цвет лица Алину, видимо, не волновал, потому как она, приметив портсигар подруги, тоже вытянула сигарету. Не найдя спичек и поленившись встать за свечой, она ухватила теплой, чуть шершавой рукой запястье Светланы и приблизила к своим губам, прикуривая от ее огонька.

А глазами в этот момент поймала взгляд Светланы и смотрела так пристально и неотрывно, что Светлана не выдержала и отвернулась.

– Я приехала узнать, когда похороны, – наконец сказала Алина, выпустив струю дыма и устроившись к Светлане вполоборота.

– В пятницу, – ответила та. – Сейчас его отвезли к прозектору… не знаю, что они хотят узнать таким образом. Павла похоронят в его поместье, в Ермолино – там его настоящая семья, я думаю, это будет правильно.

Светлана бросила взгляд на подругу, но та ничего не сказала, ровно не слышала ее замечания. Только внимательно смотрела на оранжевый огонек сигареты. А Светлане отчего-то очень хотелось об этом поговорить.

– Я была там, в Ермолино, лишь однажды – года два назад, – продолжила она. – Понадобилось решить кое-какие вопросы с моим содержанием, и я поехала, – Светлана вымученно усмехнулась, – и поняла тогда, отчего Павел ни разу не возил меня в свою деревню прежде. Меня там встретила одна особа… красивая, молодая. Моложе меня. Вела себя как хозяйка – нагло и крикливо. Лишь когда догадалась, кто я такая, немного присмирела. И вокруг нее ребятишек человек пять. А один – ровесник моего Ванечки, и похож на него так…

Резко оборвав фразу, с усилием отгоняя воспоминания, Светлана снова прильнула к сигарете, докурив ее разом. Руки не слушались, мелко тряслись и роняли пепел на юбку.

– Сколько бы сейчас было Ванечке? – спросила Алина.

– Семь, как Лизе, твоей старшей.

Светлана ответила быстро и, как ей показалось, совсем без эмоций. Однако продолжать расхотелось: она не любила говорить ни о своем мальчике, ни о чужих детях. Она не знала большей пытки, чем говорить о маленьких детях или видеть их.

Алине она никогда не признавалась в этом и с несколько фальшивой улыбкой старалась поддерживать разговоры о ее девочках, потому что знала, как много они для Алины значат. Как горячо и самозабвенно она их любит. К счастью, разговоры о детях подруга заводила редко, наверное, догадываясь о чувствах Светланы. Вот и сейчас она сама сменила тему:

– Твой муж не был святым, – пожала она плечами. – Как, впрочем, и ты, ma chere. Да и все мы. Но Бог завещал прощать, так что прости его, прекрати о нем думать и терзаться.

– Я вовсе не терзаюсь, – отозвалась Светлана, желая казаться хоть вполовину такой же стойкой.

– Вот и славно. Подумай лучше о своем будущем. Прости за цинизм, ma chere, но ты теперь свободна и, к тому же, весьма состоятельна. Признаться, я тебе даже немного завидую, – она улыбнулась, но, поймав осуждающий взгляд, тотчас подавила улыбку: – Шучу-шучу. Просто хотела немного развеять тебя.

Алина снова вдохнула и выпустила дым, а потом спросила самым обыденным тоном:

– Так это ты сделала?

Светлана вздрогнула. Разумеется, подруга спрашивала об убийстве Павла. Алина просто не могла этого не спросить когда-нибудь. Увы, но деликатность в число ее достоинств не входила.

– А что, если да?

Алина пожала плечами, не поведя даже бровью:

– Ровным счетом ничего, – она снова выпустила дым. – Просто в этом случае нужно думать, что нам делать, а не пускать все на самотек.

Это «нам», оброненное вскользь, сказанное без намека на фальшь, было столь дорого Светлане, что она, обернувшись к подруге, так и не смогла выразить словами глубину своей благодарности. Светлана не надеялась, что Алина и впрямь что-то придумает – ну что здесь можно придумать, право слово? – но ей и одного участия было достаточно.

А вместе с благодарностью тотчас почувствовала, как недостойна она такого к себе отношения:

– Нам… – горько повторила она и покачала головой, – Алинушка, я в самом деле не заслуживаю твоей доброты. Другая б на твоем месте ненавидела меня – и была бы права.

– За что же мне тебя ненавидеть, ma chere? Не за Сержа ли? – Алина, казалось, действительно была удивлена. На Светлану она глядела сейчас даже с жалостью: – Боюсь, ты все же не вполне понимаешь суть наших с ним отношений, раз допускаешь, что я могу тебя ненавидеть за то, что il te visite la nuit10[10].

Светлана смутилась и не нашлась, что ответить. На веранде повисло молчание, в течение которого Алина курила, а Светлана вновь погрузилась в воспоминания, чтобы в очередной раз решить для себя – не лукавит ли все же Алина?

…Когда родители поставили Сержа перед фактом, обязав его жениться на Алине, тот пытался воспротивиться. Она была ему другом, он уважал ее, был с нею по-братски нежен, но известие, что его хотят видеть ее мужем, поразило его. Покоряться воле родных он не собирался, о чем и сообщил Светлане, предлагая обвенчаться тайно.

Однако Светлана тогда уже не была столь ветреной, как несколько лет назад. Ей минуло девятнадцать, отмучился после тяжелой болезни отец, и Светлане пришлось многие заботы взвалить на свои плечи, жалея мать. И денег после смерти отца совсем не стало. Даже нечем было платить Надиным учителям и гувернантке: сестру пришлось отдать в Институт благородных девиц. Это были очень трудные времена, заставившие Светлану резко повзрослеть и начать смотреть на многие вещи иначе.

Она отказала Сержу. И убедила его жениться на Алине. Ведь он сам был тогда студентом, не имел за душою ровным счетом ничего и, лишись он помощи родителей, ему даже учебу было бы оплачивать нечем. Что он станет делать и на что жить? А кто позаботился бы со временем о его родителях и младших сестрах?

Видимо, и любила она его не столь сильно, раз уговаривала жениться на другой.

А вскоре после свадьбы друзей Светлана встретила Павла. Именно с ним она поняла, что ее чувства к Сержу были детским увлечением, и только. И оттого ей становилось мучительно стыдно перед Сержем – в те минуты, по крайней мере, когда она о нем вообще вспоминала. Потому она и увиливала всеми возможными способами от встречи с друзьями детства: и без того она считала себя предательницей по отношению к Сержу, а если он еще и увидит, как счастлива она с мужем… нет уж, пусть лучше считает, что ее замужество тоже было вынужденным.

Светлана избегала друзей ровно до того момента, пока счастье не кончилось. Она долго и болезненно приходила в себя после смерти Ванечки. Всю ту зиму, пока она не жила, а существовала в их с Павлом петербургском доме – в одиночестве и почти никуда не выбираясь – ей приходили письма от Алины. Переписывались они и прежде, но, узнав о ее горе, Алина и вовсе стала писать ей по два раза на неделе, не уставая зазывать в Горки. И однажды Светлана согласилась.

---

[10] Он навещает тебя по ночам (фр.)

А приехав – оттаяла. Она никогда не задумывалась прежде, сколь дороги ей эти места, где прошло ее детство, и что по-настоящему счастлива она была только здесь. Когда ее жизнь еще не была омрачена потерей близких и заботами взрослой жизни.

Что до Сержа – она полагала, что прошло достаточно времени, чтобы им обоим забыть о детской любви и обещаниях. У Гриневских росли две прелестные дочери, и со стороны они выглядели на редкость дружной и счастливой семьей. Со стороны. Сблизившись с ними вновь, Светлана поняла, что, не смотря на прошедшие годы, чувства Сержа к ней совершенно не переменились. Точно так же было ясно, что к жене своей он по-прежнему не испытывает ничего, кроме дружеского уважения. А Алина… когда Светлана, обескураженная своим открытием, сорвалась сбежать прочь из Горок, Алина остановила ее, вызвав на откровенный разговор, в котором описала суть своего замужества.

Когда Алина со свойственными ей прямотой и цинизмом рассказывала, что не пускает Сержа в свою спальню с самого рождения младшей дочери, что страдает она из-за отсутствия чувств к мужу и что жалеет его – не поверить ей было невозможно. Однако ежели они не затрагивали эту тему в разговорах достаточно продолжительное время, в душу Светланы вновь начинали закрадываться сомнения… что, если Алина лишь внешне так спокойна? Быть может, она и впрямь не испытывает к мужу ярких чувств, но какая женщина сумеет терпеть рядом с собой ту, которую ей явно предпочли?

Разве что такая необыкновенная, как Алина, и сумеет…

И все же мысль, что она делает больно подруге, приводила Светлану в столь сильное волнение, что она едва удерживалась порой, чтобы не уехать из Горок тотчас – раз и навсегда.

Вот и теперь задумавшись об этом, Светлана с сомнением, силясь понять, что на душе у этой женщины, тайком ее разглядывала.

– Алина, ты любила Сержа хоть когда-нибудь? – в этой же задумчивости спросила она.

Та хмыкнула, удивленная таким вопросом. О Серже они разговаривали еще реже, чем о детях.

– Как посмотреть, ma chere… когда моя маменька поставила меня перед необходимостью замужества, мне был дан выбор: Серж или один старинный приятель батюшки, у которого на тот момент было уже трое внуков от первого брака, лысина во всю голову и гнилые зубы. И тогда я решила, – она подавила смешок, – что лучше буду любить Сержа. Впрочем, я и тогда понимала, что любовь – это такое понятие… эфемерное. Его не пощупаешь, не потрогаешь, не продашь и не купишь. У меня большое подозрение, что людям просто удобнее прикрывать свои низменные порывы книжным словом «любовь».

– Ох, ты ошибаешься! – горячо возразила ей Светлана. – Даст бог, ты сама поймешь когда-нибудь, как сильно ошибаешься!

Алина глухо рассмеялась и повернулась в своем кресле к Светлане, подперев голову рукой и снова глядя на нее с жалостью, как на неразумное дитя:

– Едва ли, ma chere. Можешь поверить на слово: меня это не интересует. – Она подалась вперед, с заботою стряхивая с юбки Светланы крошки пепла, – у меня есть мои девочки, мои болонки. Есть ты, и есть Серж, который, так или иначе, все равно часть моей жизни. Мне этого вполне хватает.

Светлана слабо улыбнулась, отметив, что мужа она назвала после болонок. Никогда ей не понять Алину.

И тут снова скрипнула калитка. Алина обернулась на звук первой, а вскоре из темноты вышел к ним младший Рейнер, сосед. Точнее даже выбежал – он тяжело дышал после бега, выглядел крайней взволнованным и сбивчиво пытался сказать:

– Светлана Дмитриевна… Алина Денисовна… – он, не смотря на свой вид, все же пытался изображать галантность и почти светски раскланялся с обеими дамами. А после

снова заговорил со Светланой: – Разрешите отправить вашего слугу на телеграф – необходимо позвать за полицией. Там, на озере, кое-что произошло…

За его спиной притих племянник Грегора, Максим, и было видно, что мальчик не на шутку напуган.

Глава 10

– Переигрывает Зойка. Тут слезу бы лучше тихонько пустить, а не руки заламывать. Слышишь, Стёп?

Сестра Варя пихнула Кошкина локтем, чтобы он взглянул на сцену, и тот вынужден был признать:

– Слышу, слышу.

Давали сегодня «Отелло», а Дездемону играла Зоя Ясенева, светило Александрийской сцены, которую сестрица Кошкина так запросто назвала Зойкой. Впрочем, Зойка действительно переигрывала.

– А тут наоборот амусьён нужно показать, – не унималась Варя.

– Чего показать?

– Эмоцию, говорю, показать! Амусьён!

Кошкин ничего ей не ответил. Он знал, что эту постановку Варя смотрела уже раз пятнадцать, наизусть знала текст, а некоторые особенно любимые сцены вполголоса проговаривала вместе с актерами. Но лучше бы она это время потратила на прилежное выполнение уроков – и по французскому в том числе.

– Нет, плохо сегодня играют, – сдалась Варя и потеряла интерес к происходящему. – Вот меня бы туда, на сцену…

– О да, весь зал аплодировал бы стоя, – поддел Кошкин.

А Варя неожиданно обиделась:

– Злой ты, Стёпа! Вот сбегу я от вас, подамся в Москву, в театр, а когда мне сам император станет медаль вручать – вот тогда и посмотрим…

– Хворостиной ты пониже спины получишь, а не медаль от императора. Пьесу лучше смотри!

Варя надулась и лишь буркнула:

– Да что там смотреть – ее задушили уже почти…

– Молодые люди, будьте любезны – чуточку потише! Такой драматичный момент… – шикнули на них с задних рядов, и брат с сестрой вынуждены были замолчать.

Подперев рукою голову, Кошкин какое-то время наблюдал, как душат несчастную Дездемону, но вскоре, поморщившись, отвернулся. Что на службе, что в театре – одно и то же… Всюду какие-то страсти, какие-то нелепые принципы и обиды, ради которых люди – вполне вменяемые с виду – находили возможным убивать друг друга. Ломая собственные жизни и жизни своих родных, не говоря уж о жертвах. Кошкин не считал себя великим гуманистом, но глядеть на это еще и в театре ему было тошно.

Мысли плавно перетекли на графиню Раскатову и ее покойного мужа. Все-таки Шекспир воистину был знатоком человеческих душ и тысячу раз прав: ежели найден труп, то первым делом следует обратить внимание на супруга или супругу покойного. Однако в Горках эта схема, похоже, дала сбой. Графиня и впрямь вела себя странно, но, чем более Кошкин думал об этом деле, тем более убеждался, что графа убил князь Боровской. Тот добивался расположения графини – безуспешно, скорее всего, – потому обманом поселился в ее доме; когда же нежданно-негаданно туда явился законный муж Раскатовой, то юный князь сам же затеял с ним ссору, в результате которой граф был застрелен. Дело казалось Кошкину до омерзения простым, обыденным и не требующим никаких умственных усилий.

Закончив сегодня в Горках, он тотчас вернулся в Петербург, дождался аудиенции и доложил о ходе следствия лично графу Шувалову. Тот во всем его поддержал и санкционировал допрос юного Боровского – а если понадобится, то и немедленный арест. Проблема была лишь в том, что по постоянным адресам найти Леонида Боровского пока не удалось. Но статус и

общественное положение молодого князя были не те, чтобы пуститься в бега по всей Руси. И гордость опять же – аристократов всегда подводит гордость. Наверняка он затаился где-то неподалеку от места преступления, и не сегодня так завтра его найдут.

Лучше, конечно, чтоб сегодня. Для того Кошкин и оставил в Горках патруль из трех человек: устроившись в укромном месте, те должны были наблюдать за домом художника. Потому что, как бы ни старался младший Рейнер обаять сыщиков, наиболее вероятным Кошкину все же виделось, что Боровской, убив графа, подался в дом своего приятеля, где и укрылся.

Дездемону благополучно задушили, пьеса кончилась, и Кошкин поспешил присоединиться к бурным аплодисментам. Еще минуту спустя Варя отстала, встретив подругу, Кошкин же начал пробираться за кулисы.

Эти коридоры, где всегда царила суета, толкотня, переполох и неразбериха, Кошкин давно знал, как свои пять пальцев. Перед каждым спектаклем, когда переполох и неразбериха достигали своего апогея, казалось, что в этот-то раз постановка точно с треском провалится, потому как у режиссера истерика, директор глотает сердечные капли, а реквизиторы угрожают уволиться, но все равно дошивают костюм прямо на артистке. А все оттого, что у ведущего актера запой, а ведущая актриса опять хочет сбежать с любовником (иногда, впрочем, бывало наоборот). Удивительное дело, но и при таком раскладе спектакли почти всегда проходили сносно, а иногда и блестяще. Как так получалось? Кошкину никогда не понять…

Дверь в реквизиторскую, где начальствовала матушка Кошкина, была приоткрыта, потому он вошел туда, ни минуты не раздумывая. И первым делом увидел светило Александрийской сцены в одном корсете и панталонах, наклонившееся, чтобы собрать с пола наряд Дездемоны.

– Простите, Зоя Марковна… – смутился Кошкин и немедленно ретировался.

– Да полно вам, Степан Егорыч, чего вы здесь не видели, – усмехнулась та и озабоченно спросила: – Переигрывала я сегодня, да?

– Мне так вовсе не показалось, – отозвался Кошкин из-за двери.

– Ах, Степан Егорыч, что вы делаете с моим бедным сердцем… – разомлела Ясенева, приняв его слова за комплимент. И снова наклонилась.

Слава богу, что уже появилась матушка Кошкина, выходя к нему в коридор – как всегда оживленная, суетящаяся и опять перешивающая что-то на ходу.

– Стёпушка, сынок, как же славно, что ты зашел… – матушка привычно потрепала его по волосам, когда он наклонился, чтобы поцеловать ей руку. Но, хорошо зная сына, она тотчас спросила, предвидя недоброе: – А ты отчего сюда, а не домой, к ужину, как уговор был?

– Я лишь бороду отдать, матушка… и извиниться, что не приеду. Дел невпроворот. Но в другой раз непременно буду!

Избегая смотреть матери в глаза, он отдал сверток с бородой Стеньки, одолженную когда-то в театре. Кошкину действительно было стыдно – изо дня в день он обещал приехать «в следующий раз». Кажется, он больше месяца не бывал дома. Но сегодня ему нужно обязательно вернуться в Горки: если Боровской надумает покинуть Рейнеров, то непременно сделает это ночью. Как можно в таком деле полностью полагаться на подчиненных?

– Как же, Стёпушка?! – расстроилась больше обычного матушка и даже перестала шить. – Сегодня ведь Матрена Власьевна будет, ведь столько ждали-то ее…

– Сегодня?! – изумился Кошкин и от отчаяния ругнулся про себя.

Матрена Власьевна была свахой, одной из самых именитых в Петербурге. Со столь внушительным «послужным списком», что заинтересованные семьи по несколько месяцев порой ждали своей очереди, чтобы пригласить ее к ужину. И матушка действительно об этом говорила – не ехать сегодня на ужин было бы свинством…

* * *

Получив первый же свой гонорар на службе у Шувалова, Кошкин забрал мать с сестрицей из плохонького домишки на окраине Пскова и увез в Петербург, где арендовал для них хорошую квартиру. Нанял горничную, экономку, а позже и учителей для Вари. Подумывал теперь о том, чтобы отыскать для сестрицы гувернантку – он понятия не имел, на что она ей, но знал, что у барышни должна быть гувернантка.

С тех пор, как Кошкин поступил под начало графа Шувалова, материальное его положение существенно улучшилось. Да и расследуемые дела стали не в пример интересней, чем те вероломные похищения кур и чудовищные кражи белья с веревок, которыми он занимался в провинциальном Пскове. В родном своем городке Кошкин начинал когда-то в полицейском управлении в должности младшего унтер-офицера с месячным жалованием в двадцать рублей. И быть бы ему в этой должности до конца жизни, подобно батюшке своему, если бы случай не свел его с графом Шуваловым Платоном Алексеевичем.

Кошкин отлично понимал, как ему повезло. Понимал, что такой шанс выпадает одному из сотни, если не реже. Только благодаря тому матушка и может хоть сегодня уволиться из театра, а Варя, единственная из всех подруг, будет воспитана как барышня. И ждет ее судьба барышни – Кошкин намеревался хоть из-под себя выпрыгнуть, но обеспечить это сестре.

Промотать этот шанс, этот подарок судьбы, было бы непростительной глупостью. И пускай коллеги считают его карьеристом, если им угодно…

Кошкин пока что не числился официально в Генеральном штабе, но, хотя прямым его начальником и был господин обер-полицмейстер, подчинялся целиком и сиюминутно он одному лишь Платону Алексеевичу. Его считал он своим патроном и покровителем, хорошо сознавая, что его благосостояние – а значит и благосостояние его родных – целиком зависит от воли Шувалова. Потому советы его, не говоря уже о приказах, выполнялись беспрекословно.

А одним из таких советов было непременно обзавестись женою.

– Есть у моего старинного приятеля крестница. Сиротка, – поделился как-то однажды Платон Алексеевич, а Кошкин с жадностью внимал, потому как решил сперва, что речь идет об очередном задании. – Добрая, милая, славная девчушка. Красавица. Только без приданого, к сожалению. Зато роду хорошего. Очень уж хочется мне и доброе дело сделать, и приятелю помочь, вот я и подумал… вы ведь не женаты до сих пор, Степан Егорыч?

– Никак нет, – настороженно ответил тот, еще не до конца веря, что правильно понял Шувалова.

Кошкин ничуть не сомневался, что о его неженатом положении граф осведомлен превосходно, но у Шувалова была странная привычка – задавать вопросы, на которые он и так знал ответы.

Граф ничего не сказал больше и ничего не спросил – лишь передвинул ему по столу заранее приготовленную визитную карточку Матрены Власьевны и сказал, что эта дама все устроит.

Возвращаясь в тот раз от Шувалова, Кошкин размышлял, что, выходит, у графа на него большие планы, ежели он лично хлопочет о его женитьбе. Да не на ком-то, а на девице «хорошего роду». Кошкин, правда, не сразу понял, к чему эти формальности со свахой, но вскоре сообразил, что, разумеется, он не того полета птица, чтобы граф Шувалов лично вводил его в дом этой сиротки и представлял его, как своего приятеля.

* * *

…Матушка для приготовления ужина наняла повара из кофейни на соседней улице, а Варя надела платье, которое дарил Кошкин. Платье было с огромными буфами на рукавах по последней моде, но, ежели честно, казалось Кошину несколько глупым; да и Варя наотрез отказывалась его надевать – пришлось ставить ей ультиматум. Зато за столом сестра и впрямь выглядела совсем взрослой девушкой и настоящей барышней.

Матрена Власьевна женщиной оказалась добродушной, совсем не чопорной и, спустя четверть часа, они с матушкой уже болтали как старинные подруги. Разговор, правда, так и не касался сути – Кошкин знал, что в светских беседах к делу переходят в самую последнюю очередь.

Это чрезвычайно нервировало его и заставляло то и дело поглядывать на серебряный «Лонжин»11[11]с дарственной гравировкой на крышке. Время за тянулось неимоверно медленно. Кажется, с надеждой попасть сегодня в Горки придется проститься…

Варя под столом ударила Кошкина по ноге, и только благодаря тому он очнулся от размышлений о покойном Раскатове и услышал, наконец, упомянутое в разговоре свое имя:

– …Стёпушка ведь в прошлом годе в новый класс произведен – чин Титулярного советника. Стало быть, и личное дворянство он теперь имеет, а там, глядишь, – матушка мечтательно вздохнула, – и до потомственного дослужится.

Кошкин натянуто улыбнулся и отметил в хитром и умном взгляде Матрены Власьевы некоторую заинтересованность.

– А лет Степану Егорычу сколько?

– Тридцать два, – не дав ему открыть рта, поспешила сказать матушка, – а зимою, в январе-месяце, уж и все тридцать три будет.

– Великолепный возраст, – со знанием дела кивнула Матрена Власьевна, – для мужчины самый подходящий, чтобы жениться.

«Слава те Господи! Догадалась сваха на кой ее позвали!»

Разумеется, Кошкин понимал, что сия дама вовсе не глупа, но эти условности выводили его из себя.

– Самый возраст, да-да-да, – торопливо закивала матушка, – вот и мы со Стёпушкой так же думаем.

– А есть ли невеста на примете?

Матушка замешкалась и с надеждой взглянула на Кошкина.

– Дворян Сусловых единственная дочка. Сирота, – без толики смущения ответил Кошкин.

Он напрягся, припоминая имя суженой, но запоздало отметил, что так и не спросил его у Платона Алексеевича. Ну да ладно. А во взгляде Матрены Власьевны промелькнул еще больший интерес.

– Сусловых-то? Как же, знаю-знаю. Родитель-то иховый давненько уж Богу душу отдал, а матушка только зимою нонешней, царствие ей небесное. Так вы, Степан Егорыч, стало быть, знакомы с ними были?

– Отнюдь. Совершенно не знаком. Рассчитываю на вашу помощь в этом деликатном вопросе.

Видимо, самоуверенность, с которой говорил Кошкин, сделала свое дело, и сваха, еще сомневающаяся, стала все больше думать, что свадьба и впрямь удастся.

– А отчего же не помочь, коли люди хорошие? – прищурилась она. -Правда, когда о цене сговаривались, я несколько другое имела виду, так что…

– Об этом не волнуйтесь, Матрена Власьевна, голубушка вы наша, – поспешила успокоить ее матушка Кошкина. – Главное, с девицею познакомьте. И поскорее бы.

– Ну… ежели о цене вопрос не стоит, то хоть завтра! – не менее уверенно чем Кошкин отозвалась та. – Я как раз с теткою вашей невесты знакома – вот прямо завтра и ждите приглашения на обед.

[11] Марка швейцарских часов (прим.)

– Благодетельница вы наша! – совсем расцвела матушка. – Как же славно-то, ежели завтра! Прикажете чай подавать? У нас и торт имеется – утром во французской кондитерской заказывали, на Невском.

– Да… – помялась сваха, – я бы еще и селедочки вашей откушала. Славная селедочка. Вот только с компотом-то ее не очень хорошо…

– Может, тогда водочки? – Сваха застенчиво улыбнулась, позволяя себя угостить. – Это мы мигом организуем! Дуняша!..

Матушка никогда вслух не говорила о том, что хотела бы видеть сына женатым. Но вздохи, с которым смотрела она маленьких детей, вскользь оброненные фразы и прочие незначительные детали заставляли Кошкина думать, что милости Платона Алексеевича матушка обрадуется куда больше него самого.

Но мать приняла это странно.

– А ты хоть мельком видел-то эту сиротку, Стёпушка, хоть на картинке? – озабоченно спросила та, когда Кошкин впервые сообщил ей о намерении жениться. И, получив отрицательный ответ, добавила еще более странно: – Ну, может, конечно, и впрямь хорошая девица… тебе отказаться-то хоть можно еще?

Однако со временем, пока ждали сваху, матушка успела свыкнуться и теперь все мысли ее были о знакомстве с будущей невесткой.

Водочка была подана, и дамы только-только успели «чокнуться», когда колокольчик у входной двери зазвенел, обрывая разговор на полуслове.

– Это кто же в такой-то час?.. – заволновалась матушка и с укором посмотрела на сына.

Действительно, для Кошкиных самым обычным делом было, что даже в те редкие дни, когда сына удавалось вырвать для семейного обеда, в дверь могли вот так бесцеремонно позвонить люди в форменной одежде и увезти его еще до подачи горячего блюда…

И матушкино предчувствие ее не подвело – через минуту в столовую ввалился Девятов.

– Bonsoir belles dames12[12], – Девятов, сняв шляпу, приторно улыбался и раскланивался почти что театрально. – Варенька, мое почтение… Степан Егорыч, могу я вас похитить на минуту?

Бормоча слова извинения, Кошкин принялся выбираться из-за стола.

Матушка была мрачна – она ненавидела Девятова уже за то, что он всегда похищал ее сына и, разумеется, не на минуту. А Матрена Власьевна, успев опрокинуть в себя рюмку водки, теперь довольно поморщилась и занята была только тем, что пыталась подцепить с блюда кусочек селедки, щедро присыпанный зеленью.

Кошкин силился по лицу и жестам Девятова разгадать: тот примчался, потому что Боровского задержали? Или потому что Боровской сбежал?.. В любом случае, что-то определенно случилось – просто так бы его с семейного ужина не выдернули.

– Ну? Что? – едва прикрыв за собою дверь в столовую, набросился Кошкин с вопросами. – Нашли Боровского?

– Нашли! – с воодушевлением кивнул Девятов. – Немножко неживого, правда, но нашли. В общем, дожевывай скорее, Степан Егорыч, и в Горки едем.

[12] Добрый вечер, прекрасные дамы (фр.)

Глава 11

Это действительно был Леонид Боровской, сомневаться не приходилось: личность подтвердил Рейнер, который нашел тело и который теперь стоял поблизости, угрюмый и задумчивый. Молодой человек был убит выстрелом в грудь, а потом тело попытались укрыть, сбросив в воду. Причем подошли к задаче весьма серьезно – к ногам Боровского была привязана веревка с оборванным краем, вероятно, к ней крепили камень, чтобы тело не всплыло.

– Здесь есть поблизости мост или что-то подобное? – хмуро спросил Кошкин у Рейнера.

– Нет, озеро хоть и глубокое, но небольшое совсем – моста здесь никогда не было, – отозвался тот. Помолчал и добавил: – Утопить тело могли, только отвезя его на середину. В лодке.

Кошкин не ответил ему. Он был еще мрачнее и сосредоточеннее чем обычно – того, что найдет своего главного подозреваемого убитым, он никак не ждал. Это полностью рушило его схему: любовник убил мужа – это еще можно понять, но кому, черт возьми, понадобилось убивать и мужа, и любовника?!

Кошкин поднял глаза и тотчас встретился со взглядом графини. Она-то что здесь делает? Та вовсе не выглядела напуганной и, кажется, прислушивалась к каждому их слову.

Впрочем, заметив недовольство Кошкина, Раскатова тотчас тихонько сказала:

– Я буду в доме, в библиотеке, если понадоблюсь.

Удерживать ее никто не стал, а вслед за графиней сразу ушла и ее подруга, Гриневская, хозяйка дачного поселка. Кошкин так и не успел ее допросить, но собирался это сделать в самое ближайшее время.

Девятов кашлянул, привлекая к себе внимание, и вполголоса одному Кошкину сказал:

– Я успел изучить следы, которые мы собрали в лодке днем – на днище именно кровь и ничто иное. А на древесине, напомню, синие нитки. Такие точно были на пороге террасы.

А Боровской, меж тем, одет именно в синий сюртук. В лодке и на пороге террасы убийца оставил не свои следы, а жертвы. Еще одной. Боровской стал свидетелем убийства графа, за что и поплатился.

Была глубокая ночь, а где-то меж сосен небо уже розовело восходом. Люди Кошкина пытались осветить пустынный берег масляными лампами и даже с упорством – по его приказу – искали в траве новые следы… Но он сомневался в успехе предприятия. Слишком темно. Да и что здесь осматривать, если тело вытащили из воды, а убили Боровского явно в другом месте.

– Михаил Алексеевич, проследите, чтобы труп доставили в Петербург, в прозекторскую, – распорядился он. – Мне нужно знать, из одного оружия убиты граф и Боровской или нет… Покамест все. Выполняйте.

Девятов кивнул и сомнением спросил:

– Вы, стало быть, в Петербург не едете?

– Мне нужно Гриневскую допросить, пока она здесь.

Однако не успел Кошкин сделать и шага, как его окликнул Рейнер:

– Степан Егорович, могу я побеседовать с вами наедине? Это важно.

После недолгой заминки Кошкин кивнул, понадеявшись, что Гриневская его все же дождется, и они с Рейнером отошли от остальных. Рейнер даже настоял, чтобы они покинули этот участок берега, отгороженный валунами, и вышли к той скамейке, где днем Кошкин допрашивал сестру Раскатовой.

А теперь на этой скамейке сидел, подтянув к подбородку колени, мальчик лет девяти-десяти и ежился от ночного холода.

– Это Максим, мой племянник, – сказал Рейнер прежде, чем Кошкин успел что-то спросить, – вчера вечером, примерно в то же время, когда произошло убийство, он сидел там, за

валуном, и кое-что видел. – Кошкин, оживившись, бросился, было, к мальчику, но Рейнер придержал его за плечо: – Однако я прошу вас… у этого убийцы, судя по всему, нет ничего святого. Ведь Леона он застрелил лишь потому, что тот не вовремя оказался в библиотеке? Я прошу вас… о том, что видел Максим, никто не должен знать.

– Да-да, я понимаю, – поспешно кивнул Кошкин.

Приблизившись к скамейке, Рейнер скинул свой сюртук и укрыл плечи мальчика, быстро сказав ему что-то. Мальчишка при этом разглядывал Кошкина.

– Вы полицейский? – с любопытством спросил он.

– Не совсем, – Кошкин присел на скамейку, – скорее, Чиновник по особым поручениям.

– А-а-а… – в голосе мальчика чувствовалось разочарование. – А у вас пистолет есть?

– Только револьвер, к сожалению, – Кошкин даже улыбнулся этой непосредственности.

Потом, помедлив, вынул из-за полы сюртука оружие, убедился, что курок не взведен и дал мальчику.

– Здо-о-орово… – протянул тот, примеряя в руке увесистый револьвер. – «Смит-Вессон»?

– Нет, швейцарский «Наган13[13]», – просто ответил Кошкин, делая вид, что не удивился такому вопросу.

– А отчего не «Смит-Вессон»? У «Смит-Вессона» калибр ведь больше.

– Зато «Наган» легче и надежнее, – всерьез начал рассуждать Кошкин. – И барабан у него на семь патронов, а не на шесть. А за счет того, что калибр меньше – выше скорость пули.

– Ясно… – Максим с еще большим уважением глядел на револьвер. – Просто у батюшки «Смит-Вессон» 1871 года, вот я и думал, что он самый лучший…

Рейнер неловко кашлянул и уточнил, должно быть, чтобы оправдать наличие револьвера в доме:

– Брат держит оружие на всякий случай – он и обращаться-то толком с ним не умеет.

Максим, догадавшись, наверное, что сказал что-то лишнее, быстро отдал револьвер и притих. Но Кошкин поспешил их успокоить:

– Многие держат в доме оружие для безопасности – в том нет ничего предосудительного. Максим, твой дядя говорит, ты был на озере вчера вечером, – не спеша начал сыщик подбираться к главному вопросу. – Это правда?

– Правда, – нехотя согласился тот. – Только гувернеру моему не говорите, а то поедом заест.

Кошкин снова улыбнулся, мальчишка ему определенно нравился.

– Я вон там сидел, за камнем. Меня, наверное, никто не видел. И вдруг смотрю… я сначала вовсе не понял, что это такое… из калитки, что на участке графини, выползает что-то. Черное, большое, горбатое – к озеру… темно было очень.

Кошкин насторожился: уж не выдумывает ли мальчишка? Но поразмыслив, понял, что при богатом воображении и в кромешной тьме запросто можно принять человека, волочащего по земле мертвое тело, за «черное, большое, горбатое».

– И что дальше было? – поторопил он.

Мальчик мялся и отчего-то не желал рассказывать. Пока, наконец, не молвил, глядя в землю:

– Не знаю… я убежал.

Кошкин поверил в это не сразу и, конечно, разочарованию его не было предела. Останься мальчишка на берегу, он наверняка разглядел бы, кто грузит тело в лодку. Хотя бы знал точно,

[13] На вооружение российской армии револьверы системы «Наган» поступили только в 1895 г., но и к 1891 г. эта марка успела себя хорошо зарекомендовать во всем мире (прим.)

мужчина это был или женщина – одного этого Кошкину было б достаточно. Ему хотелось окончательно исключить Раскатову из круга подозреваемых и начать спокойно работать.

Однако мальчик и сам ужасно стыдился своего побега, Кошкин посчитал нужным его успокоить и почти искренне воскликнул:

– Еще бы! Я на твоем месте сам побежал бы так, что только пятки сверкали.

– Вы бы не побежали – вы же взрослый, – с сомнением отозвался тот.

– По-твоему, взрослые ничего не боятся? – хмыкнул Кошкин. – Я слышал, какие легенды ходят про ваше озеро…

В глазах мальчика снова загорелся интерес, и он недоверчиво спросил:

– Вы верите в чудище, которое здесь живет?

– Все может быть, – пожал плечами Кошкин.

Мальчик кивнул серьезно и по-взрослому:

– А я его видел. Нет-нет, да промелькнет что-то черное на дне – с валунов и особенно ночью, при луне, хорошо видно. Только того господина не чудище утащило – это был человек. Зря я убежал.

– Разглядел, кто это – мужчина, женщина?

– Нет, совсем темно было…

– А время сказать можешь?

Мальчик задумался:

– Я когда домой вернулся, часы вскоре один раз пробили. А отсюда до дома, если по суше, то минут тридцать.

«Если убийство произошло в полночь, – отметил про себя Кошкин, – то в половине первого Максим действительно мог видеть на берегу убийцу. Едва ли кого-то другого».

– А лодка, стало быть, находилась на этом берегу? – уточнил он.

– Я на ней сюда приплыл, когда у нас все уснули. Дядя Грегор не разрешает, – он бросил опасливый взгляд на Рейнера, слушающего его крайне внимательно, – но я почти каждый вечер сюда хожу. Лодку я той ночью оставил здесь… а утром она снова была привязана к нашему причалу.

– Тебя точно не видели? – влезая в разговор, с волнением спросил Рейнер.

– Не видели, – отозвался тот.

А Кошкин опять мрачнел на глазах – потому что для него очевидным было, что мальчик ошибается. Этот человек, убийца, не мог не понять, что если на берегу стоит лодка Рейнеров, то кто-то из этих Рейнеров должен быть поблизости. А если он хоть немного осведомлен об отнюдь не примерном поведении мальчика, то наверняка обо всем догадался. Однако ребенка он не тронул. Пока что.

Усвоив все это для себя и убедившись, что Рейнер понимает, какая беда грозит теперь его племяннику, Кошкин попрощался и поспешил к дому графини. Он надеялся все же застать там Гриневскую.

Напрасно…

Заглянув в библиотеку с террасы, дверь которой и сейчас была распахнута настежь, Кошкин увидел здесь только Раскатову. Сперва ему показалось, что она уснула в кресле, и он собрался уж ретироваться, обойдясь без прощаний. Однако в следующее мгновение Кошкин разглядел, что сидит – или даже, скорее, лежит – она больно неестественно: поперек кресла, причем голова была безвольно откинута с подлокотника, а темные, блестящие при свечах волосы свисали на пол.

– Твою ж!.. – не помня себя, вскричал Кошкин и тотчас бросился к ней.

Он готовился уже увидеть очередной труп, однако ни кровавых пятен, ни следов удушения не было, что внушало некоторую надежду. Быть может, только в обмороке?

– Светлана Дмитриевна, Ваше ситятельство!..

Он приподнял ее голову и легонько похлопал по щеке, пытаясь привести в чувства. Не помогало. Но она была жива: грудь над жесткий корсажем платья вздымалась размеренно и плавно.

Кошкин приметил возле кресла сонетку и потянулся уж, чтобы позвать прислугу – тогда-то графиня слабо застонала.

– Вы живы? – Кошкин снова похлопал ее по щеке – теперь более настойчиво.

Та поморщилась, веки ее задрожали, а через мгновение она открыла глаза. Большие, выразительные, прозрачно-зеленые, как у русалки. Без тени смущения, не мигая и совершенно не торопясь отвести взгляд, она тоже смотрела в его глаза. Долго, невозможно долго.

«Даже жаль, что графиня», – некстати подумал Кошкин.

Отчего-то казалось, не будь она графиней – все было бы проще.

С четверть минуты, наверное, он так и не мог оторваться от ее глаз. Было очевидно, что Раскатова достаточно пришла в себя, чтобы осознавать всю неловкость, только она даже не попыталась поднять голову с его руки. Но все же заговорила чуть слышным шепотом:

– Помогите мне встать, Степан Егорович.

Кошкин хотел, было, возразить, что ей лучше остаться лежать, но Раскатова уже закинула сперва одну руку, а потом вторую ему на шею. Ничего не оставалось, кроме как протиснуть ладонь под ее талию и, приложив некоторые усилия, поставить на ноги. На ногах, впрочем, Раскатова не удержалась и тотчас упала на грудь Кошкину – рук вокруг его шеи она так и не разомкнула.

– Вам все же лучше лечь сейчас.

– Да, наверное, – ответила она, но не шелохнулась. – Господи, как же здесь душно… я боюсь, что опять потемнеет в глазах, и я упаду.

– Я открою окно.

– Нет! Не нужно, побудьте просто рядом, мне очень плохо…

Раскатова только теперь сняла руки с его шеи и, попытавшись обмахнуться собственной ладонью, как веером, снова простонала:

– Но как же здесь душно, – и легким, совершенно невесомым движением расстегнула несколько пуговиц на вороте платья.

Расстегни она всего на две пуговицы меньше, Кошкин вполне бы ей поверил. А так, невольно окунувшись взглядом в темную ямку между ее ключицами, он ясно понял для себя:

«Переигрывает. Прямо как Зойка на спектакле. Чего она добивается?»

Кошкину уж начало казаться, что и обморок ее был постановкой, причем, не самого лучшего качества. А он попался, как малолеток! Все теплые чувства к этой женщине разом покинули его, уступив место брезгливости. Оставив ее на месте тотчас, он направился к дверям, бросая на ходу небрежно:

– Я позову вашу горничную.

Однако до двери не дошел.

– Вы считаете, это я убила своего мужа и Леона Боровского? – ее голос прозвучал даже с усмешкой – усталой и бесконечно разочарованной.

Кошкин обернулся. Две лишние пуговицы по-прежнему были заманчиво расстегнуты.

– Не исключаю, – ответил он на ее вопрос. И, усилием воли заставляя себя быть все-таки вежливым, добавил: – я веду следствие, я обязан подозревать каждого, пока не найду доказательства невиновности.

– Надо же, а не так давно вы были кучером и надеялись только отремонтировать повозку, – Раскатова улыбнулась и плавно двинулась к нему.

Теперь он окончательно убедился, что обморока не было – не бывает у только что очнувшихся дамочек такого хищного взгляда. И такого соблазнительного.

«Как же жаль, что она графиня…»

Кошкину пришлось взять себя в руки. Несмотря на свой чин и служебное положение, он чувствовал себя мышью, с которой кошка сейчас поиграет-поиграет, да и сожрет с потрохами.

Все же, пытаясь ей сопротивляться, он ответил вполне серьезно:

– Меня повысили.

– …и побрили! – закончила вместо него Раскатова. Она осмелела настолько, что снова подошла вплотную и провела кончиком пальца с острым ноготком по его щеке. – Впрочем, без бороды вам намного лучше. Скажите, Степан Егорович, а есть ли вероятность, что вы отыщите эти ваши доказательства моей невиновности. Может, я смогу вам помочь?

Сказано это было нежным полушепотом. Кошкин чувствовал ее дыхание на своей шее, томно-сладкий аромат духов и ее тело, которое раз за разом касалось его – и у него кружилась от этой близости голова.

– Можете, – смог все-таки ответить он, – но вам для этого придется постараться очень сильно…

Кошкин и сам не сразу осознал двусмысленность сей фразы. А осознав, тоже улыбнулся. Потому что почувствовал на миг себя котом, а ее – мышкой.

Возникла некоторая заминка. На мгновение Кошкину почудилось, что сейчас она залепит ему пощечину. И не знал толком, чего хочет больше – пощечины или очередного ласкового прикосновения.

Кошкин так и не смог этого решить, а Раскатова уже вернула на лицо хищную свою улыбку:

– Вот как? В таком случае, я действительно постараюсь.

Ее рука, покоившаяся до того на груди Кошкина, медленно поплыла вниз, за ремень его брюк. Кошкин даже позволил этой руке поколдовать некоторое время, прежде чем аккуратно взял ее за хрупкое запястье и отвел от себя – к неимоверному изумлению Раскатовой.

– В этой же комнате давешней ночью вы убили вашего мужа и любовника. Побойтесь бога, Светлана Дмитриевна.

Сказать, что Раскатова была удивлена таким поворотом дел – это ничего не сказать. Она растерянно хлопала ресницами и все не могла найтись, что ответить. Но Кошкин и не собирался дожидаться: ему теперь все было ясно о ней. Более чем ясно. Не оглянувшись ни разу, он покинул дом через ту же террасу.

Однако он и сам отдавал себе отчет, что спокоен лишь внешне. Ярость клокотала в нем, мешала ясно думать и была столь сильна, что он едва сдерживался, чтобы не произносить вслух все те ругательствами, которыми крыл Раскатову про себя.

Она все-таки провела его! Подумать только – пару часов назад он был о ней такого высокого мнения, что не допускал всерьез ее причастности к убийству. А теперь… она сама фактически призналась. И доказала, что пойдет на все, на любые мерзости и ухищрения, лишь бы избежать правосудия.

«Так ведь нужно арестовать ее немедля!» – Кошкин остановился, осененный этой мыслью.

Возвращаться в библиотеку ему не хотелось – по правде сказать, он не был уверен, что устоит перед нею во второй раз. Да и доказательств нет… она призналась только что – да! Но кто ему, Кошкину, поверит на слово?! Напротив, Раскатова непременно станет уверять всех, что ничего подобного не говорила.

Нет, здесь нужно действовать иначе… сперва заручиться поддержкой Шувалова, а потом можно и арестовывать.

Решив так, Кошкин подозвал к себе старшего из своих людей, которые, проводив экипаж с Девятовым, теперь бездельничали, и отдал распоряжение:

– Взять все выходы из дома под охрану и глаз не спускать с Раскатовой! – Кошкин поймал себя на мысли, что приказ прозвучал излишне жестко. Однако допустив на мгновение, что

Раскатова попытается пустить свои чары и против этого полицейского, Кошкин рассвирепел еще более. Договорил он тихо, но столь зловеще, что человек его бледнел на глазах: – Если хоть что-нибудь случится из ряда вон выходящее… шкуру спущу лично с тебя!

Полицейский мелко затряс головой, кивая, и даже не решился ничего уточнить. Потом козырнул и помчался отдавать распоряжение подчиненным.

А Кошкина черт дернул обернуться еще раз на дом.

Сквозь распахнутую дверь террасы ему хорошо было видно Раскатову, спрятавшую лицо на подлокотнике все того же кресла. Спина ее дрожала: она плакала навзрыд, в том не могло быть сомнений. На мгновение у Кошкина шевельнулась мысль – даже не мысль, а надежда, – что он просто понял ее как-то не так?.. Впрочем, гоня сомнения, он снова нахмурился и отправился искать своего кучера.

Глава 12

Светлана не помнила, когда в последний раз она рыдала вот так – не помня себя, до головной боли, до озноба во всем теле, до истерики. Порой, казалось, она выплакала уже все и сумела взять себя в руки, но, стоило вспомнить эту отвратительную сцену, это презрение в его взгляде, эти обидные колкие слова… и снова она не видела ничего, кроме пелены слез перед глазами.

Что он теперь думает о ней? Он считает ее убийцей, это понятно, и с минуты на минуту непременно вернется, чтобы заковать ее в кандалы, как преступницу. Но это еще можно пережить, а вот то, что он думает о ней как о последней шлюхе… Впрочем, шлюха она и есть.

Светлана вполне отдавала себе отчет, что, если б на месте этого сыщика был кто-то другой, даже менее привлекательный, она бы сделала все то же самое. У нее не было выбора! Если есть хоть малейший шанс избежать наказания и не ставить на будущем Нади крест, сделав ее сестрой каторжанки – она обязана этот шанс использовать. Не имела никакого права не использовать!

Потому Светлана, хоть и чувствовала омерзение к самое себе, иного пути не видела. С ней кончено, и нет смысла разыгрывать из себя невинную гимназистку. Не нужно ждать чуда, его не будет.

Но она сглупила, понадеявшись провернуть этот трюк с Кошкиным. Ведь показалось же ей в какой-то момент, что он не из тех, кто воспользуется столь низкой женщиной. И он действительно не воспользовался. Вероятно, он даже думал о ней лучше, чем она есть на самом деле. Но теперь уж…

И очередной приступ рыданий лишил ее способности думать хоть сколько-нибудь трезво.

Светлана и не заметила, когда именно в библиотеке появилась Василиса. Но та суетилась и кружилась возле нее, уговаривала то умыться, то лечь в постель. В конце концов, экономке даже удалось заставить ее выпить свой отвар из ромашки и мяты. Неизвестно, что она еще туда добавляла, но на Светлану это варево всегда действовало успокаивающе.

Помогло и в этот раз. Слезы еще продолжали водопадом катиться из глаз, но она, по крайней мере, больше не было сил биться в истерике. Да и мучительное чувство стыда как будто притупилось.

– Пойдем, золотая моя, – Василиса завела Светланину руку себе за шею, подхватила за талию и настойчиво повела куда-то. Светлане не хотелось идти, да и полицейский ведь сейчас вернется, чтобы арестовать ее… Но она даже Василисе противиться не могла. А та по пути продолжала увещевать: – пойдем, золотая, рассвет уж скоро, но ты поспи. Я Аленке скажу, чтоб не шумела и тебя не будила.

Светлана не помнила, как Василиса раздела ее и уложила в постель, как опустила портьеры, чтобы утренние лучи не пробивались в комнату, и как прикрыла дверь за собою.

Потом она, кажется, уснула. Сон был легким, словно прозрачная вуаль, готовым оборваться в любой момент, от любого шороха. Потому, когда дверь, тихонько щелкнув, отворилась – Светлана тотчас, как ужаленная, подняла голову с подушек.

Это был Серж.

– Ты еще спишь, моя соня? – Не раздеваясь, он забрался к ней на кровать, сходу целуя Светлану в пересохшие губы. – Вокруг дома столько полиции – никак тебя охраняют? Но меня не видели…

Упоминание полиции снова кольнуло Светлану, теперь безучастную ко всему. Она поморщилась и уперла ладони в плечи Сержа, пытаясь оттолкнуть его:

– Ах, оставь! Серж, прошу, не сегодня…

Тот покорно шепнул:

– Ты переволновалась вчера, я понимаю. Я просто побуду рядом.

Однако ж губы его все еще мягко касались ее лица – вероятно, он считал, что таким образом успокаивает ее.

– Нет, уходи, – Светлана слабо пыталась увернуться, зная, чем заканчиваются все его «просто побуду рядом». И, наконец, выкрикнула, плохо отдавая себе отчет: – Серж, пойми ты, это должно прекратиться! Я не люблю тебя!

Сказала и сама испугалась. Хотя и раньше она не клялась ему в любви особенно горячо, но то, что она его любит, считалось меж ними само собою разумеющимся. Должно быть, Серж ей просто не поверит теперь.

А он, впервые услышав такое утверждение, да еще и столь экспрессивное, и впрямь остановился. С полминуты, наверное, думал, что сказать, и, наконец, нашелся:

– Верно, ты чувствуешь вину перед Раскатовым, потому так говоришь. – Догадка эта стала для него спасительной, Серж действительно отказывался ей верить. – Но пойми, mon cœur, ты ни в чем не виновата. Что же в этом плохого, ежели двое любят друг друга?!

И, сказав так, Серж снова принялся искать ее губы, а Светлана лишь со стоном вздохнула, уже и не пытаясь увернуться. Она не знала, какие еще слова отыскать, чтобы он понял: ее муж не имеет к происходящему меж ними ровным счетом не никакого отношения…

* * *

Ей снился душистый яблоневый сад, что цвел здесь, пока Горки были поместьем Холиных. Серж, темноволосый, с трогательным юношеским пушком над верхней губой, заглядывал ей в глаза и спрашивал:

– Ты всегда будешь любить меня? До конца жизни?

Он крепко держал руку Светланы в своей и смотрел в ее глаза так, будто от ответа зависела вся его жизнь. Светлане было лишь семнадцать, но даже в свои неопытные годы она поостереглась давать подобные обещания:

– Откуда ж я знаю, что будет через десять лет, или даже через год, глупенький? – Она попыталась свести все к шутке: – может, я стану страшной, толстой, как повариха Холиных, и ты первый же меня разлюбишь.

Но Серж слабо улыбнулся, отвечая более чем серьезно:

– Я буду любить тебя всегда, Светлана, до самого последнего вздоха.

Светлана ему не поверила, рассмеялась. Кажется, уже тогда она знала в глубине души, что пожениться им не позволят. А раз так, – полагала она, – то и о клятвах своих Серж забудет очень скоро. Потому легко сказала то, что он хотел услышать:

– И я буду любить тебя всегда-всегда, глупенький. До самого последнего вздоха.

Ох, сколько раз потом Светлана жалела об этом обещании… И тогда, после откровенного разговора с Алиной, когда он в первый раз вот так же точно явился незваным в ее спальню. Он напоминал ей те слова, а на все доводы Светланы с искренней наивной верой отвечал: «Ведь ты же клялась тогда! Я видел по твоим глазам, что ты не лгала. И, что бы ты ни говорила теперь, я знаю, что ты всегда будешь меня любить».

Тогда Светлана уступила ему в первый раз. Отчасти, потому что клятвы следовало соблюдать, а отчасти, потому что надеялась, что прежняя детская любовь и впрямь вернется. Не вернулась. Хотя Светлана все еще ждала ее – долго ждала, до этой самой ночи. Сегодня она особенно ясно осознала, насколько отвратительна ее связь с Сержем – для названия подобной связи в русском просторечном языке есть вульгарное, но зато очень емкое слово, прекрасно характеризующее их с Сержем отношения.

Не брак Алины уничтожала она, позволяя Сержу целовать себя, а собственную свою жизнь.

* * *

Портьеры уже не спасали от лучей солнца: за окном был день, когда она очнулась во второй раз. И сразу поняла, что *это*снова пришло.

Прошлой ночью, когда она убила Павла, все было так же. Не сон, не явь, а что-то среднее. Полусон. Тело казалось тяжелым, будто пудовыми цепями прикованным к кровати, мысли же, как в нервной лихорадке, метались в голове, не позволяя ни на чем сосредоточиться. Светлана теперь до замирания души, до оторопи во всем теле боялось, что все повторится.

Подняться с постели было неимоверно трудно, но еще несноснее было лежать подле спящего Сержа… Светлана с трудом, будто пьяная, цепляясь за стены и спинку кровати, поднялась на ноги. Все плыло перед глазами и шаталось – или это саму Светлану качало из стороны в сторону. Яркие, почти живые образы то и дело возникали перед глазами. Вот Павел смотрит на нее из угла с молчаливым укором, вот Леон кричит и беснуется, вот Серж требует, чтобы она клялась ему в любви. Была здесь и Надя, которая, перемежая слова слезами, твердила ей, что никогда не простит…

Пошатываясь, по стене, Светлана пробиралась меж них всех к двери, мечтая как можно скорее отгородиться от этих людей. Будто дверь спасла бы. А выбравшись в будуар, поплотнее закрыла за собою и только теперь, окончательно обессилив, сползла на пол. Сжала ладонями пульсирующую от боли голову и затихла.

Светлана горячо молилась про себя – молилась, чтобы *это*ушло. Когда не стало Ванечки, Светлана решила, что Бога нет. Или же он есть, но настолько жесток, что лучше б его и не было. Но, когда *это*владело ею, она готова была верить, хоть в Бога, хоть в дьявола, готова была продать тело и душу – лишь бы все прекратилось.

В ту ночь, когда не стало Павла, она молилась тоже – не помогло. И как много было крови, Господи, как много…

В какой-то момент Светлане начало казаться, что *это*отступает… когда неожиданно в ее скачущие, суматошные мысли вторгся голос отца – насмешливый и жестокий:

– Твой любовник теперь выжил тебя из собственной спальни? Милая, что же с тобой стало – ты же раньше была совсем не такой.

Она резко вскинула голову: отец сидел в кресле напротив – в шлафроке14[14]и турецких мягких тапочках, которые Светлана берегла ему на именины, да так и не успела подарить.

Страха не было, удивления тоже. Но, на редкость ясно осознавая происходящее, Светлана покачала головой:

– Не говори со мной… тебя нет, ты – фантом. Мой отец умер много лет назад, а тебя я не знаю и не желаю даже слушать.

– Действительно – умер?! – Отец вскинул брови столь знакомо, что у Светланы защемило сердце. Оттого, что наяву этого никогда больше не будет.

Но его слова… Они мучили Светлану, сводили с ума, заставляли закрыть уши и бежать – бежать безо всякой надежды укрыться.

– Зачем ты изводишь меня?! – действительно закрывая уши, выкрикнула Светлана. – За что? Ты ведь тоже никогда таким не был раньше!

– Так я же фантом, милая! Ты сама это сказала: меня не существует, я не могу никого мучить. – Он легко поднялся из кресла, сделал несколько шагов и, наклоняясь к ней, почти на ухо произнес: – Это все ты. Ты сама себя изводишь. А сказать отчего? – он за подбородок поднял ее лицо. – Оттого, что ты виновата.

– Я ни в чем не виновата, – упрямо ответила Светлана и стала зажимать уши еще плотнее – хотя голос отца вовсе не становился тише. – Я не виновата и хочу, чтобы это прекратилось!

Светлана резко мотнула головой, высвобождая свой подбородок, и глядела на фантом хоть и снизу вверх, зато с вызовом.

---

[14] Мужской домашний халат (прим).

Отец же покачал головой с некоторою досадой:

– Это никогда не прекратится. Ни это, ни то… – он кивком указал на дверь спальни, опершись на которую спиной, сидела Светлана.

– Прекратится! Я сама это прекращу!

Решение родилось в ней внезапно и казалось теперь единственно верным. Уцепившись за дверцу комода, она с усилием поднялась на ноги – вот только хлипкая дверца при этом раскрылась, и ворох нижнего белья высыпался на ковер… и среди своих чулок и нижних юбок Светлана глазами выхватила старый револьвер с потрескавшейся деревянной рукоятью. Она отчего-то не удивилась, увидев его там. Молча нагнулась, отстранив замолчавшего фантома, и подняла револьвер.

Потом, отворив дверь в спальню, Светлана взвела курок и несколько раз выстрелила в спящего на ее подушке Сержа.

Глава 13

Невесту звали Дашенькой. Ее так и представили при встрече – «Дашенька». Это было тихое, молчаливое создание лет семнадцати с прозрачной, болезненно-белой кожей, будто не знавшей никогда лучей солнца. При взгляде на нее Кошкину подумалось, что, если Раскатова стала «мышкой», лишь когда ее загнали в угол, то эта «мышкой» родилась и, вероятно, будет ею до конца жизни.

Впрочем, Платон Алексеевич ни в чем не обманул, Дашенька была доброй, милой и славной. Красавицей с выразительными темными и невероятно печальными глазами. Хотя Дашенька подняла эти глаза от пола раза два за весь вечер, а в основном, сжавшись в комок, стояла за плечом своей тетки, Авдотьи Григорьевны, грузной и суровой дамы лет тридцати пяти.

Дом и принадлежал Авдотье Григорьевне, вдовой генеральше, которая, как она подчеркнула раз пять, «взяла к себе племянницу из доброты своей, покуда все кто ни попадя этой добротою пользуются». На деле же, как убедился Кошкин, два часа просидев с ними в гостиной, Дашенька была в этом доме чем-то средним между бесплатной гувернанткой для детей Авдотьи Григорьевны и ее бессловесной компаньонкой, которой сказать можно что угодно, не опасаясь услышать и слова поперек.

– Так у вас, monsieur Кошкин, дворянство, выходит, только личное? – констатировала Авдотья Григорьевна, оценивая его взглядом с головы до ног. Матушку и Варю, сидевших подле Кошкина, она не удосужила и таким взглядом.

– Виноват, сударыня… – изобразил раскаяние Кошкин.

Чем дольше он сидел в этой гостиной, тем яснее для себя понимал: никакой свадьбы не будет. Размечтался. Никогда ему не следует забывать, кто он таков и откуда вышел. И если уж искать невесту, то ровню себе. А эта Дашенька была самой что ни на есть барышней – ра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.